

ЖИТИЕ ИМАМА ХУСЕЙНА

(да будет над ним мир)

Перевод с персидского С. Сулеймани

Во имя Аллаха милостивого, милосердного! От издателя
Посланник Аллаха (да благословит его Аллах!) сказал: "Воистину Хусейн есть светоч правильного пути и корабль спасения".

Житие имама Хусейна ибн Али ибн Абу Талиб (626-680) и горестное событие, происшедшее в Кербеле, является одной из самых больших трагедий не только исламского мира, но и всего человечества. Пока личность имама Хусейна третьего шиитского имама - не была познана должным образом, полагали, что история его школы и мученической гибели относятся исключительно к шиизму. Однако сегодня исламоведы обратили внимание на то, что Хусейн принадлежит не только Исламу, но и всему человечеству. Он, ведя борьбу, принес себя в жертву на пути истины и защиты Ислама и религии Мухаммеда. Относительно имама Хусейна и исторических событий, известных под названием "Ашура" (День гибели имама Хусейна), посвящено огромное количество книг, написанных учеными мира, как мусульманских, так и западных стран, где был дан анализ различных- аспектов этой проблематики.

Доктор Саййид Джа'фар Шахиди входит в число выдающихся современных ученых Ирана, которые проводили обширные исследования по истории Ислама. Его работа под названием "Житие имама Хусейна" посвящена исследованию жизни этого имама, начиная со дня его рождения в городе Медине и заканчивая его мученической гибелью в Кербеле, и опирается на достоверные исторические источники.

Международное издательство "Ал-Худа" считает необходимым издать перевод этой книги на русский язык и, тем самым, устранить существующую потребность в книгах подобной тематики.

Выражаем признательность профессору С. Сулеймани за его усилия в деле перевода этой книги, а также всем друзьям и коллегам, которые оказали содействие в ее издании.

Надеемся, что эта книга будет востребована учеными, преподавателями и студентами факультетов истории, религиоведения, востоковедения и всеми интересующимися исламской историей и культурой.

Международное издательство

"Ал-Худа"

Во имя Аллаха милостивого и милосердного.

Да благословит Аллах Мухаммада

и его непорочное семейство.

Данная книга, в том виде, в каком она есть, была составлена в последние годы. Однако вопросы, изложенные в ней, написаны давно. Двадцать лет назад, а может быть, еще раньше, я решил написать отдельную книгу об этом важном событии, и каждый раз что-то мешало осуществлению этого. Но мысль о том, чтобы написать об этом, никогда не забывалась, и она время от времени, как вспышка молнии, выскакивала из тучи сердца и освещала страницы ума, то есть это переносилось с одного дня на другой и с одного года на другой. По мере прохождения времени, я больше читал, больше и лучше понимал, и каждый раз подробные детали события сосредоточивал в уме и глубже обдумывал и взвешивал связь одной детали с другой.

Несколько лет тому назад по случаю наступления месяца мухаррам резюме того, что держал в уме в разрозненной форме, я опубликовал в одной вечерней газете Тегерана. Много друзей и знакомых по телефону или в письмах высказали мне свое одобрение. Один из наших друзей хотел, чтобы эта статья была переведена на арабский язык и опубликована. Эти одобрительные отзывы, которые были вызваны больше любезностью читателей ко мне, чем значимостью статьи, побудили меня проявить усердие для издания книги в полной форме. По воле Бога эта книга в этой форме представлена читателям и заинтересованным людям.

¹ *Мухаррам - название первого месяца мусульманского лунного года. (Прим. перев)*

Как нами было отмечено, знакомство писателя с историей этого события не ново, то есть оно имеет пятидесятилетнюю историю. Я где только мог постоянно искал сведения и читал об этой истории - в кратких и подробных, новых и старых исторических источниках, даже в поэтических произведениях, исторических летописях, посвященных убийству [исторических личностей]. И если скажу, что мною прочитано большинство книг, написанных по данному вопросу, то это не будет преувеличением. Первоначально мое мнение относительно этого события не отличалось от мнения других историков и современных писателей. Однако вдумчивое исследование ряда событий периода пятидесятилетней истории начала ислама заставило рассмотреть это событие в другом разрезе, дабы найти его причины или установить истинную картину того, как оно было на самом деле.

В результате этих исследований выяснилось, что значительная часть событий в истории ислама, особенно в ее начале, до первой Аббасидской эпохи, не являются такими, какими их описывали историографы; пришедшие же после них приняли их как безусловную правду.

То, что заставило меня сомневаться, а затем вынудило заниматься поиском более достоверных данных, было исследование нескольких внешне незначительных событий, которые я должен был изучить при написании своих книг и статей. История Граника, история Шахрбану, причина или причины убийства Омара и Османа, сговор хариджитов с целью убийства

Али, преступления, приписываемые хариджитам эпохи Али, Са'ад ибн Абдаллы ибн Аби Сараха и его добавления к Корану и другие истории подобного рода, которые приводили в своих книгах такие наивные историки, как Табари и др. К сожалению, эти не имеющие исторической основы факты в дальнейшем стали предлогом для востоковедов, враждебно относившихся к исламу.

В конце этих исследований я убедился в том, что эти события не происходили так, как их описали древние историки. К сожалению, описанные древними историками события в последующие эпохи подвергались всевозможным добавлениям и приукрашиваниям со стороны последующих историков. Как стало очевидным, мы мало можем найти изложений исторических событий, свободных от политической пропаганды Омейядов и Аббасидов или от религиозного фанатизма различных конфессий, где их истинное состояние не искажалось бы. Мы пришли к такому выводу, что для нахождения исторической истины хотя она основывается на сомнении и предположении - не достаточно только чтения исторических текстов того времени, а для этого также необходимо исследовать различные условия того времени, такие как географические, экономические и социальные, ибо это является основным методом освещения исторических событий современными историками.

Необходимо отметить, что древние историки приложили большие усилия и старания для того, чтобы зафиксировать исторические факты, и последующие поколения должны быть им признательны за это. Однако они надлежащим образом не подвергали анализу и исследованию эти события, и за это мы должны их извинить, ибо это был путь, который открыл свою дверь для дальнейших научных усилий и стараний последующих исследователей. В любом случае, как говорится в самой книге, если история ислама будет исследована с новым видением исторических событий, то будет снята завеса со многих важных исторических событий.

При анализе этого события, как я написал, я по мере возможности прилагал усилия, чтобы при анализе исторических фактов подвергать их тщательному сопоставлению друг с другом, а затем уже использовать в работе. При написании книги я использовал те источники, которые были более близки к событию, ибо обработки и изменения их менее достоверны, кроме одной-двух книг, которые заслуживают упоминания. Кроме того, я использовал доступные работы [исторического характера], начиная с пятого века и до настоящего времени. Мною были использованы такие работы некоторых западных историков, которые имеют исследования по [истории] ислама в отношении политического и социального положения ислама до конца правления халифов.

Как я уже писал, самые старые письменные документы отстоят на двести лет от времени указанного события, однако не остается ничего другого, как опираться на них. Дай великому Богу, чтобы Он нас уберег от совершения каких бы то ни было ошибок. Аминь!

Саййид Джа'фар Шахиди

Тегеран, месяц исфанд (февраль-март) 1357/1997г.

ВОССТАНИЕ ХУСЕЙНА

(да будет над ним мир)

Тех, кто Господне Слово слышит

И следует за лучшим [смыслом] в нем.

Коран. 39:18^x

Событие, к исследованию которого вновь обращаемся, случилось давно. Все те, кто знаком с историей ислама, мусульмане они или нет, осведомлены о том, что произошло. Но дебаты вокруг этого вопроса продолжаются вот уже более тысячи лет. О восстании Хусейна написано множество книг, стихов и элегий и проведено много собраний и заседаний. В течение более тысячи трехсот лет миллионы людей ради сохранения его памяти собирались и оплакивали его, тысячи людей погибали в защиту его имени и тысячи людей убивали других, защищая его честь и достоинство. На протяжении более чем тринадцати веков сотни приверженцев суннизма и шиизма, десятки приверженцев христианства и других конфессий так или иначе делали его личность предметом анализа и исследования. При этом все они к герою этого события относились - в соответствии со своими желаниями или восприятием - больше как к заслуживающему похвалы, чем порицания. Его действия и гибель они трактовали как поиск справедливости, свидетельство его беззаветности и самопожертвования, героизма или властолюбия. Эти люди в своих рассуждениях были и являются свободными. Но с моей точки зрения, многие из них искали в этом деле

Здесь и далее все переводы из Корана даются по кн.: Пороховая В. Коран. Перевод смыслов и комментарии. Издание четвертое. - Пентр ал-Фуркан, Дамаск, 1420 г.х.

правильный путь, а часть из этих людей видели самих себя в зеркале этих событий, а затем выдвигали свои мысли и фантазии.

Однако в изложении этого вопроса я не придерживаюсь точки зрения страстно убежденных шииты, считающих его трагическую смерть жертвой ради заступничества перед Богом за грешников-шиитов и тем самым идентифицирующих его положение с положением Иисуса Христа у христиан; равным образом не придерживаюсь, позиции некоторых восточных ученых, увлеченных работами западных историков XIX века, которые изображают его как человека недовольного, авантюриста и бунтовщика против арабского режима в Дамаске; я также не буду, подобно некоторым недовольным «рынком дня», ради толкования своих мыслей и убеждений приводить его деяния как наглядное доказательство собственных рассуждений, с тем чтобы с позиции свободолюбия представить его оппозиционером диктаторского режима или последователем режима социалистического. Все эти люди могут толковать это событие, как они сами хотят, а не так, как было на самом деле. Однако при таком способе анализа истории то, что будет показано, меньше всего есть объективная истина. Кроме того, моей целью при изложении этих исторических событий не являются ни написание хроники убийств, ни конфессиональная пропаганда, ни даже написание истории, поэтому, когда я собрал документы и классифицировал их по тематике, я постарался вникнуть в суть вопроса, дабы

понять, что и почему произошло. Я пытался ответить на вопрос «почему?» - исходя из происходивших событий, а затем этот вопрос - я надеюсь, ответив на него - поставлю перед судом моих читателей. Поиск ответа на этот вопрос «почему?» требуется не только ради изложения этого события, так как оно - так или иначе - уже произошло, оставив за собой много веков.

При правильном видении этого исторического события мы убедимся в том, что оно составная часть истории в целом, в которой все происходившие являются следствием других. [Вместе с тем] хотя историческое развитие [любой] великой цивилизации в различных временных и пространственных условиях происходило быстрым или медленным темпом и было сопряжено с какими-то беспорядками, однако оно никогда не приостанавливалось. И если его ход поступательного движения в определенную эпоху в чем-то уменьшался, то по другим параметрам он становился более всеохватывающим.

При рассмотрении данного вопроса, стремясь найти на него правильный ответ, мы не можем руководствоваться нашими религиозными убеждениями. Кроме того, оставляя в стороне противоречащие легенды и сказания, я выбирал среди них те, которые подтверждались исторической правдой,

территориальными, религиозными, экономическими и социальными условиями. При рассмотрении и анализе этого вопроса я оригинален по сравнению с другими авторами, рассматривавшими данную проблематику, поэтому если я в своей попытке достиг сути вопроса, то, я уверен, достигнутые мною результаты будут хорошим примером, как для современников, так и для потомков, ибо хотя герой рассматриваемых событий был убит на поле боя после того, как он восстал и воевал, но имевшие место факты - то, ради чего он воевал, и сдержали или не сдержали свое слово те, которые обещали ему поддержку в достижении цели, - такие факты на протяжении истории повторялись не раз, и они есть и будут в будущем.

II

Кто нечестие творил по всей земле, И умножил зло на ней...

Коран. 89:11, 12

Если кто-то возьмется внимательно, в течение трех лет, анализировать события, произошедшие в шестьдесят первом году хиджры, то он придет к следующим результатам.

Со второй половины халифства Османа и до конца правления Му'авии постепенно основы исламского режима или некоторые из основ подверглись изменению; говоря терминологией мусульман, в религию проникла ересь. Такие изменения достигли своего апогея при правительстве Му'авии, в том числе справедливость - один из основных столпов религии ислама - была почти уничтожена. Убийства, изгнания, конфискации имущества без какой-либо юридической основы или опоры на разрешения, нетерпение какой бы то

ни было критики, пытки и притеснения из-за приверженности к каким-то собственным течениям или из-за наличия собственного мнения и рассуждений стали учащаться и развиваться. Появление этих ересей стало причиной возникновения и ускоренного развития среди людей настроений недовольства, тем самым это подготовило почву для восстания в арабийском обществе. Однако в течение всей жизни Му'авии было значительное препятствие, не дававшее возможности недовольным им и его соратниками напасть на него. Сила этого препятствия зиждилась на централизованной мощи Шама, фундаментом которой были изворотливость и ловкость правителя, с одной стороны, и бдительность и добросовестность наместников и тайных и легальных агентов этих правителей, в выполнении возложенных на них обязанностей - с другой.

Контроль правительственного аппарата над существующей обстановкой давал возможность режиму подавить в наикратчайшее время любые попытки заговора и казнить руководителей.

Однако смерть Му'авии и переход власти к Йазиду открыли для недовольных людей «форточку надежды». Дождавшись удобного момента, они собрались на площади и решили свергнуть Йазидов, - который даже не имел необходимых нравственных оснований управлять Халифатом¹, став правителем вопреки обычаям исламского режима, - и вернуть способ правления Халифатом в первоначальное русло, т.е. выбрать вождя с единодушного согласия уммы² - посредством обращения к всеобщему мнению - и по мере возможности упразднить ереси. С одной стороны, целью оппонентов режима и недовольных была эта идея, но с другой стороны, новоявленное правительство Дамаска - в противовес с практикой мусульманства - основывало мощь своего государства на наследственной власти, при этом, желая как можно скорее укрепить основу своего новоявленного правления. Естественно, при такой расстановке первым его шагом в этом деле было подчинение исламских провинций - Хиджаза и Ирака, - подчинявшихся Дамаску, который принимал присягу на верноподданство у будущих наместников этих провинций и заставлял подчиняться ему.

¹ Мусульманская феодальная теократия с халифом во главе; название каждого из государств, образованных в итоге арабских завоеваний в 7-9 вв. (Прим.перев.)

² Мусульманская община. (Прим.перев.)

Хиджаз обладал особой духовной значимостью, и мусульмане смотрели на жителей Хиджаза с особым уважением. Ведь известно, что ислам возник в городе Мекке, там находится кибла¹ и место ежегодного паломничества мусульман; а город Медина был резиденцией Пророка и его халифов; могила и мечеть Пророка, сильно почитаемые мусульманами, находились именно в этом городе.

Неоспоримо, что политические деятели Дамаска довольно хорошо понимали значимость месторасположения этих городов, но в то же время были уверены в том, что им не грозит опасность со стороны Мекки, ибо в этом городе жила большая группа родственников нового правителя (Бани Умаййа). Более того, племя умия было связано с другими племенами узами родства и брака и

соблюдение обычаев любого племени препятствовало, чтобы чужого предпочитали своему.

Дамасские правители не особенно опасались жителей города Медины, ибо и здесь с давних времен находились переселенцы из рода Абу Суфйана и его деда, а также жили в этом городе его почитатели и, естественно, эти люди никогда не оставляли сторону Бани Умаййа(Омейяды), чтобы стать приверженцами Бани Хашим (Хашимида) и других родов и племен. Устраиваемые Омейядами обструкции после убийства Омара против правления Али - когда был организован Совет из шести человек - и избрание Османа

¹ Кибла («то, что находится напротив») - направление на Каабу, которое **нужно** соблюдать во время мусульманской молитвы и отправления ряда ритуалов. (Прим. черев)

² Халиф («заместитель») - глава мусульманской общины, замещающий посланника Аллаха. (Прим. перев.) халифом есть аргумент в доказательство мощности этой группы в этом городе.

И, конечно, единственной провинцией, которая беспокоила новое правительство, был Ирак. Более того, здесь находился претендент на пост правителя Халифата Али, которого сильно побаивались. Дело в том, что с давних времен род Омейядов не имел весомого места в Ираке и, как будет рассмотрено в будущих главах, равновесие сил мударийцев¹ и йеменцев,² которые больше других до ислама и после его возникновения вовлекались в схватки, стало причиной этой диспропорции. Отсюда, Ирак устремлял свой взор в сторону Бани Хашим, будучи недовольным Бани Умаййа.

Мятеж, произошедший в конце правления Османа и приведший к его убийству, противостояние со стороны Басры и Куфы во время правления Али, война, которая довела Му'авийу, отца Йазид, до порога свержения его власти, отделение большой группы благочестивых мусульман от мусульманского общества, схватки между ними и их убийство - фундамент всего этого был заложен именно в этом регионе. Йазид всегда вспоминал отцовское высказывание: «Когда иракцы каждый день просят тебя свергнуть или поставить какого-то правителя, то ты прими это, ибо смена какого-то наместника есть легкое дело по сравнению с противостоянием ста тысячам мечей».³

Когда Йазид стал правителем в городе Медине, там жили трое - сыновья сподвижников Пророка. Эти трое в глазах общества были авторитетами, и мусульманское общество выказывало им большое уважение и почтение.

Мударийцы - это аднаниты (т.е. северные арабы) и жители Хиджаза.

Йеменцы - это кахгнаниты (т.е. южные арабы). ³ Табар. т. 7, 197

Их имена: Хусейн ибн Али; Абдалла, сын Зубейра, и Абдалла, сын Омара. Бесспорно, сын Зубейра и сын Омара не снискали такого уважения, которое выказывало общество по отношению к Хусейну. Отец Хусейна был ветераном ислама, двоюродным братом Пророка и мужем его дочери и к тому же долгое время являлся правителем Ирака. Личные отношения Хусейна с людьми, его благородство и великодушие во время правления Му'авии, его свободолюбие и прямодушные очаровали людей. Если бы иракцы призвали его на свою сторону и если бы восстал он, то, бесспорно, Дамаск

оказался бы в большой опасности. Йазид и его сторонники хорошо понимали, что надо в любой возможной форме заставить его подчиниться или устранить телесно, с тем чтобы посадить Ирак на место и не допустить повторения войн, подобных той, что произошла в пустыне при Сиффине. Резкий тон послания, направленного Йазидом в первые дни своего правления в адрес наместника Медины, было результатом ощущения опасности.¹ Если б Йазиду удалось до начала восстания, до отправления Хусейна в Ирак и его тесной связи с иракцами, утрясти все вопросы, связанные с этим делом, то дело сына Зубейра и сына Омара и других, чьи взоры были направлены в сторону Халифата, решилось бы само собой и в результате поднятое восстание было бы задушено еще в зародыше. Исходя именно из этих соображений Йазид подверг Хасана большому давлению. Однако это предвидение и прозорливость Дамаска, как следовало ожидать, не увенчались успехом, ибо Хусейн клятвы подданства не дал в Медине и не был убит в Медине или в Мекке. Он переселился из Мекки в Ирак, с *«Не отпускай Хусейна, пока он не примет присягу на повиновение».* -Табари. *События шестидесятого года.*

тем чтобы завершить начатое отцом и братом общее задуманное дело. Дамаск, видя свою неудачу в установлении заговора и расширение последствий опасности, вытекающей из этого заговора, для достижения цели решил использовать военную силу. Для осуществления намеченной цели он отправил в Ирак опытного военачальника. Первым делом Йазид убил представителя Хусейна Муслима ибн Акила и нескольких его сторонников, которые проживали в г.Куфе, дабы проучив и устранив людей, затем завершить дело, убив Хусейна и его последователей. Это есть краткое изложение того, что написано об этом событии во множестве.

Приведенный мною анализ с первого взгляда кажется очень естественным и логичным, и, возможно, он и обрадует некоторых исследователей, однако здесь возникает вопрос, ответ на который мы не можем найти в этом резюмированном анализе вопроса.

III

*Не убивайте душу, что Аллах
Запретной (для убийства) сделал,
Иначе как по прав, (данному Всевышним).
Коран. 17:33*

Тот, кто тщательно изучит ход происходивших в г.Кербале событий и будет осведомлен об акте коллективного убийства потомка Пророка - причем в самой изощренной форме, - найдет, что люди, считающиеся мусульманами Куфы, поступили с внуком Пророка и его друзьями так, как поступали неверные по отношению к верующим.¹ Если такой человек к тому же знаком с юридическими и судебными положениями исламского права, то он задается вопросом: если Йазид ради сохранения своего правления игнорировал основное исламское правило; если уши служащих правительства Йазидов в Шаме, Хиджазе и Ираке были открыты только для приказов правителя, и они

не проявляли себя мусульманами и их нисколько не заботили мусульманство и законы этой религии; если все старания и заботы наместника Куфы были направлены только лишь на то, чтобы угодить Дамаску, с тем чтобы самому дольше остаться на занимаемой должности или чтобы не подвергнуться отстранению от поста; если воины трех провинций - Шама, Хиджаза и Ирака были настолько верными правительству, что они пожертвовали своей религией ради него - той религией, которую они исповедовали, религией, которая подняла их от

¹ *Т.е. убили взрослых людей и взяли в плен женщин.*

незнатности к знатности, - то как это случилось и что стало причиной того обстоятельства, что мусульманское общество проявило в тот момент в отношении случившегося такую степень невозмутимости и полное безразличие. В чем причина того, что жители этих просторных и многонаселенных мест стали простыми зрителями на этой арене? Что стряслось, что после полувекового существования ислама его последователи были настолько не осведомлены в мусульманской юриспруденции и религиозных положениях, что не уразумели, что они поступают как вероотступники, взваливая на себя бремя срама и позора? Ведь это не согласуется с текстом Корана,¹ где вероотступничество запрещено, так почему в глазах этих людей убийство живой души стало таким малозначительным делом? Еще полвека назад в одном собрании в честь прощания, где собралось множество людей со всех концов Хиджаза, Пророк обратился к людям: «О люди! Послушайте мое слово, ибо я не знаю, смогу ли я увидеть вас в будущем году. Ваша кровь и ваше имущество запретны для друга, пока вы не предстанете пред Господом».²

Бесспорно, что в 61 году хиджры большое число людей, живших в Куфе, Басре, Медине, Мекке и участвовавших в том собрании, своими ушами слышали слово пророка Мухаммада - привет и благословение ему. Какое же преступление совершили Хусейн и его друзья, что мусульманская юриспруденция оправдала их убийство? Если ж они были невинны, то почему мусульмане и пальцем не шевельнули, чтобы спасти их от смерти от руки куфийских воинов. Кроме того, в г.Куфе

¹ *Коран. 6:151.*

² *Табари. События десятого года; Якуби. Издано в Неджефе. т.1,с,1. Ибн Хишам, т. 4, с. 275.*

еще проживали некоторые сподвижники Пророка, которых насчитывалось предостаточно¹ и которые могли бы совместно с последователями *(табеин)*² Пророка и знатными людьми города заставить наместника Куфы отказаться от убийства и предпринять другие способы, чтобы заставить его послушаться. Однако они не предприняли в этом деле никаких шагов. Почему?

Известно, что г.Куфа в течение пяти лет был центром правления Али. В битвах при Джамале, Сиффине и Нахраванде жители г.Куфа оказывали всяческую поддержку и, находясь в авангарде сражавшихся, были убиты. Почему же тогда при таком значительном событии люди так отмалчивались, словно на их уста была наложена печать молчания? Оставив г.Куфу в

стороне, перенесемся в Дамаск, где проживало некоторое число соратников Пророка - привет и благословение ему, - и некоторые из них в глазах Йазида имели большой авторитет. Так почему в этом регионе также не было предпринято никаких конкретных шагов по предотвращению этой трагедии? В двух больших городах - Мекке и Медине, которые после Куфы и Дамаска имели известное влияние в определении политической линии мусульман, также не проявили никакого противодействия. Однако справедливости ради надо сказать, что в те дни не имелось эффективных средств связи, чтобы можно было быстро осведомить людей о происходящем событии. Но жители этих больших провинций, которые занимались политикой,

¹ Смотрите книгу «Табакат» Ибн Саада. т. 6, с. АЗ.

² Понятие «табеин» означает класс людей после асхабов (т.е. сторонников Пророка); мусульман, которые видели сами Пророка и находились вместе с ним, называют асхабами; а тех, которые видели сами асхабов Пророка, но не видели самого Пророка, называют «табеин».

за несколько месяцев до произошедшего знали, чем закончится дело.

После вступления Хусейна в Ирак некоторые люди, встретив его на пути в Ирак, предупредили о грозящей опасности, однако это предупреждение не подкреплялось какими бы то ни было действиями, а было лишь советом, данным из сострадания, то есть сообщением того, что видели сами встретившие его попутчики.

Люди, которые проживали в Хиджазе, были свидетелями того, как Шам¹ и наместник Куфы спешно собирают войско, и точно знали, что предстоит кровавая битва. Однако все их противодействие, которое мы увидим в течение этого исторического периода, ограничивается восклицаниями «Да упаси Бог», «Не дай Бог этому случиться». Эти люди не сделали ничего, чтобы предотвратить эту войну; более того, после убийства сына дочери своего Пророка месяцы и годы предпочитали молчать, пока не умер Йазид. Самое большее, что они сделали в этой провинции после этого события, так это высказывали сожаление и иногда оплакивали.

Восстание, произошедшее в Медине и известное как «восстание Харра»², больше было вызвано недовольством в отношении личности и деяний Йазида, нежели осуждением убийства сына дочери Пророка. И когда представители Медины вернулись из Шама и начали говорить, что они пришли от порочного человека, который не заслуживает того, чтобы руководить Халифатом,

Шам - бывшее название территории современной Сирии, Иордана, Ливана и Палестины. (Прим перев.)

² Слово «харра» означает «каменистая местность вулканического происхождения». «Харра» является землей, которая находится между Мединой и Акиком, где разразилась война между жителями города Медины и Муслимом ибн Акабой - представителем Йазида.

жители г. Медины стали задумываться, что необходимо отстранить Йазида от правления.

Удивительным в изложении этого события выглядит то, что куфийские воины, окружившие, а затем убившие Хусейна, при совершении ритуала пятикратной молитвы направляли свои взоры в сторону киблы и каждый раз, произнося шахаду¹, свидетельствовали, что посланник Аллаха - Мухаммад (привет и благословение ему), дед Хусейна. Наиболее поразительным было

то, что при первой встрече Хусейна с авангардом куфийских войск обе группы войск совершили молитву вместе с Хусейном, т.е. признали его мусульманином, почитателем киблы и достойным имамата.² И среди этих воинов были те, которые проявляли в боях самоотверженность и храбрость. Однако через несколько часов оказалось, что все это не имеет значения, все покрылось завесой гробового молчания, и человек, считавшийся вчера имамом, сегодня стал неверным. Почему?

Предполагают, что он не дал клятву подданства Йазиду и поэтому был убит. Конечно, он до самого конца своей жизни так и не явился к Йазиду, чтобы присягнуть в вассальной верности, но отказ от принесения присяги на повиновение и подчинение «правителю времени» не был каким-то грехом. Если что и является каким-то проступком, заслуживающим, чтобы убивали за его совершение, то это нарушение принесенной клятвы верноподданства, что в исламе имело прецедент.

' Шахада («свидетельство») - первое и важнейшее положение исламского символа веры, выражаемое формулой «Нет никакого божества, кроме Аллаха, а Мухаммад - посланник Аллаха». (Прим. перев.) Ал-Имама - имамат, институт верховного руководства мусульманской общиной, в котором сливается власть светская и власть духовная. (Прим. перев.)

В день Худайбийя, когда Пророк услышал о том, что курайшиты поступили с Османом коварно, он у них спросил, как следует поступить, и они присягнули на повиновение и подчинение ему до смерти. Если б кто-то не захотел этого, мог бы отказаться от дачи клятвы подданства. В Коране имеются аяты,¹ которые обязуют мусульман совершать джихад, и вместе с тем в этих же аятах говорится о людях, освобожденных от совершения борьбы за веру, чьи оговорки были приняты; но просьба тех, которые приводили ложные отговорки, была отклонена. Но Пророк ни одного из них не только не обезглавил, но даже не причинил какой-либо неприятности; их дело он передал на суд Бога, дабы он по своему желанию либо простил их, либо наказал.

Когда бразды правления Халифатом перешли к Абу Бакру, согласно одной легенде, Али и знать рода Хашим в течение шести месяцев не давали ему клятву верности; и когда Али принимал у людей клятву верноподданства как правитель Халифата, несколько человек уклонились от принесения присяги, однако Али в связи с этим не принял никаких мер против этих людей.

Отсюда вытекает, что непринесение присяги на повиновение и подчинение халифу⁴ в истории ислама имеет своей прецедент и не является грехом.

Возможно, могут сказать, что Хусейн противостоял халифу и это противостояние считается неким внутренним восстанием. Верно, что Хусейн относился к Йазиду - его правлению, его моральной компетентности, к тому, какой он мусульманин, - с

*' Аят («знак», туда») - наименьший выделяемый отрывок коранического текста, «стих» Корана (Прим. перев.) ^Джихад («усилие») - борьба за веру. (Прим. перев.) ¹ Табари События одиннадцатого года. Халиф, халифа («заместитель») глава мусульманской общины, замещающий **посланника** Аллаха. (Прим. перев.)*

поризанием. Хусейн получил приглашение жителей Ирака и послал своего представителя в Ирак, с тем чтобы ознакомиться поближе с происходящими там событиями и уже затем предпринять определенные шаги. С этой целью

он отправился из Хиджаза в Ирак и там вступил в сражение с воинами сына Зийада.

Однако порицание семьи Йазида, принятие приглашения жителей Ирака и схватка с воинами г.Куфа никак не есть восстание против интересов мусульман. Если случится, что какие-то мусульмане или группа мусульман будут противостоять друг другу, в этой связи в Коране говорится, что по возможности необходимо завершить дело мирным путем, а если восставший будет упорствовать в своем противоборстве и начнет войну, то следует сражаться против него до тех пор, пока он не признает веление Аллаха.¹ Необходимо сейчас рассмотреть вопрос о том, что хотел Хусейн и как жители Куфы с ним поступили, был ли именно он зачинщиком сражения? Упорствовал ли он в продолжении войны? Отнюдь нет! Он в начале восстания, отвечая на вопрос пригласивших его жителей Куфы, в чем причина восстания, в своих выступлениях постоянно говорил, что восстал потому, что «Божий запрет стал дозволенным, и дозволенное Богом запретным».

Мы знаем, что обязанность всякого мусульманина заключается в том, чтобы жизнь строить по сунне³ и не допускать ереси. Хусейн прибыл в Ирак, получив

¹ *Коран, 19:9.*

² *Табари. События шестьдесят первого года.*

³ *Сунна («обычай», «пример») - пример жизни Мухаммада как образец и руководство для всей мусульманской общины и каждого мусульманина. (Прим. перев.)*

множество приглашений. Когда он встретился с авангардом воинов Куфы, их командир спросил его, что он хочет. Хусейн ответил: «Местные жители попросили меня прийти к ним, с тем чтобы с их помощью оживить религию, но если они раздумали, то я вновь вернусь в Хиджаз». Хусейн, видя, что воины продолжают оставаться в подчинении у сына Зийада и не присоединяются к нему, по мере возможности пытался обойтись без военных действий. Даже в самом последнем своем обращении к сыну Зийада он просил принять его предложения и, конечно, если б командующий войсками Куфы принял бы одно из двух его предложений, то дело решилось бы по-другому. Но цель сына Зийада была совершенно иной, а именно: подвергнуть Хусейна испытанию и унижению, а затем подчинить своей воле, но такой подход противника явно шел вразрез с его свободолюбивым духом, и поэтому такое отношение для него было совершенно неприемлемо. Его ответ звучал так: «Я никогда не покорюсь вам, подобно рабам». Отсюда явствует, что вопрос «почему?» остается без ответа.

Истина заключается в том, что древние историки не стремились или не могли описывать любое историческое событие - даже имеющее большое значение - исходя из его социальных, экономических, антропологических причин и последствий, ибо они больше обращали внимание на политический и военный аспект этих событий и это делалось с целью наглядного показа самого события. Следовательно, если б древние историки при написании своих трудов освещали исторических событий так, как это делают

современные историки, и не удовлетворялись бы только приведением легенд, то, бесспорно, история ислама предстала бы совершенно в другом виде. Случившееся в месяце мухаррам 61 г.х. является тем событием, причину или основные причины которого необходимо искать не в этом году или чуть раньше этого года. Скорей всего, исследование этого события заставит нас оглянуться назад - на период до правления Абу Бакра и вообще до появления ислама, и даже на времена до рождения Пророка ислама, ибо это событие взаимосвязано с другими, как связаны звенья одной цепи, разъединить их невозможно. С этой позиции я хочу исследовать это событие с различных сторон, дабы прийти к такому заключению, которое удовлетворило бы меня самого!

Возможно, данный подход также будет соответствовать мнению читателей. Если в этом деле мне будет сопутствовать удача, то будет найден и правильный ответ на тот вопрос «почему?»

Для того чтобы найти правильный ответ на этот вопрос, необходимо рассмотреть мусульманское общество двух исторических этапов:

1) первое общество - сформировавшееся в 11 г.х., т.е. тогда, когда пророк Мухаммад за несколько месяцев до своей кончины чтением этого аята сообщил им радостную весть: «Сегодня те, кто вашей верой пренебрегли, в отчаянии пребывают, но их не бойтесь, а страшитесь Меня».¹ (Коран. 5:3);

2) второе общество - то, к которому Пророк обратился так: «О люди! Я, покидая вас, оставляю вам две важные вещи: Божью книгу и свою семью /сунну».²

Первоначально нам предстоит определить составные элементы этого общества, а затем сопоставить его с мусульманским обществом в 60 г.х. (в год смерти

¹ Коран. 5:3

² В некоторых преданиях нешиитского происхождения - «мой обычай».

Му'авии), дабы проследить изменение элементов, которые полвека тому назад были составляющей частью того общества: получили ли они дальнейшее развитие вперед, или остались без изменений, или изменились незначительно. Какими стали мусульмане времени конца правления Му'авии по сравнению с мусульманами эпохи Абу Бакра? Они больше уверовали? Или пошатнулись в своей вере? Или вообще утратили веру? А если их убеждения пошатнулись или вообще сменились неверием, то какой фактор стал причиной их колебания и неверия? Эти факторы были порождены эпохой Му'авии или же потенциально существовали внутри мусульманского общества, но не имели возможности роста и лишь когда наступила соответствующая обстановка, стали развиваться, и достигли самодостаточного накала? Это те моменты, на которые необходимо пролить свет.

IV

«И видим мы, что следуют тебе Лишь самые презренные из нас, Что зрело размышлять не могут»

Коран. 11:27

Когда Пророк ислама начал свой призыв в г.Мекке, политическая и экономическая сила города находилась в руках двух социальных групп, которые сотрудничали между собой ради своих общих интересов: 1) шейхи, или главы племен, которые в силу наследственного обычая руководили родами; 2) богачи, накопившие огромные состояния посредством торговли и ростовщичества, пытавшиеся сохранить и приумножить эти состояния. В целом управление в Мекке, бывшее тогда полугородским, полуплеменным, переходило то к одной, то к другой из двух групп. Валид ибн Мугира и Абу Суфйан, будучи главами и руководителями мекканских родов, путем делового партнерства двух лиц, в котором одна сторона вкладывала капитал, а другая - вела торговлю с отдаленными городами, приумножали свое имущественное состояние. Именно в таких условиях зародилась религия ислама, и, как нам известно, первый призыв Пророка при обращении к людям был: «Скажите, что Бог един, и идолов, которых вы создали своими руками, бросьте на землю». Не нужно долго думать, чтобы понять, что сказанное не могло огорчить такого опытного торговца, как Абу Суфйан, или преклонного возрастом шейха, как Абу Джахль.

Было бы слишком наивно полагать, что они, сделав и разукрасив идолов, считали своих истуканов богами и почитали их и поклонялись им. Более того, было бы еще большей наивностью утверждать, что этот класс верил в бога сердцем и подчинялся ему без какого-либо «почему?», «зачем?». Идолы для них были всего лишь средством влияния на умы наивных людей. Этим путем они хотели их обвести, а затем эксплуатировать. Более того, для того, кто не желает ничего, кроме приумножения богатства и своей власти, какая разница - выбрать для себя в качестве предмета поклонения идола, звезды или же солнце? Не эти были теми, кто упорствовал в своих верованиях, а бедный класс или средний - которые, испытав трудности и лишения, становились бедняками. Если бы война была из-за религиозных убеждений, то именно они должны были восстать против Мухаммада, а не те. Вместе с тем, первыми принявшими новую религию были угнетенные, рабы и неимущие бедняки. Бесспорно, если б в эти дни призыв Пророка к единобожию ограничился бы таким содержанием, то курайшиты не были бы им недовольны, а все или же большинство из них приняли бы ислам. Но внимательное чтение коротких сур, с которых и начинается Коран, наглядно показывает, что этим простым призывам сопутствовало другое требование, которое подвергало угрозе социальное положение этих двух групп. Данное требование опосредованно или напрямую задевало интересы шейхов и торговцев.

Будь проклят клеветник и тот,

Кто за спиной злословит.

Тот, кто копит добро

И в закрома его кладет,

Надеясь, что богатства эти

Навечно жизнь ему продлят!

Поистине, низвергнут будет он
В аль-хутаму.
Как объяснить тебе,
Что значит «аль-хутама»?
Пылающий Огонь,
Возженный гневом Божиим,
Что захватил сердца и души [скверных].
Коран. 104:1-7.

И предоставь Мне справиться со всеми,
Кто, наслаждаясь благами на сей земле,
Все ж истину за ложь считает.
Ты дай короткую отсрочку им.
У Нас для них тяжелые оковы и Огонь,
И удивляющие явства,
И мучительные кары.
Коран. 73: 11-13.

Еще раз обратите особое внимание на смысл эти аятов, где говорится: тот, кто копит богатства и думает, что оно спасет его, тот будет ввергнут в ад, где его сердце расплавится; те, которые копят богатства, не знают, какое воздаяние им уготовано; давайте людям деньги взаймы не с целью получения барыша.

Как объяснить тебе, что значит «крутизна»?
Освободить раба,
Дать пищу в дни лишений
Сироте, который вам близок по крови.
Или бедняку, презренному другими.
Коран. 90: 12-16.

Совершенно очевидно то, что в этих аятах постоянно звучит угроза богачам и людям могущественным, и эти слова не были благозвучными в ушах Абу Джахля, Валида и Абу Суфйана.

Отсюда мы видим, что самыми яркими противниками Мухаммада были шейхи родов и могущественные торговцы, а его стойкими последователями, напротив, рабы и неимущие бедняки. Если взглянуть на перечень первых мусульманских групп в Мекке, то мы увидим, что он ограничивается несколькими классами:

- 1) рабы и угнетенные люди, которые были выведены из состояния социального равновесия в силу гнета своих хозяев, и впервые им были обещаны свобода и социальное спокойствие;
- 2) торговцы среднего класса, с точки зрения объема богатства, которые не могли соперничать с крупными торговыми кланами и получать такую же прибыль;
- 3) торговцы, которые согласно обычаям племени, не имели надежду когда-либо стать вождем, или шейхом племени;

4)

мелкие

ремесленники, которые неизбежно претерпевали давление со стороны двух организованных групп - богачей и вождей племен - и абсолютно были лишены возможности оказать им какое бы то ни было сопротивление. Далее, если опять же всмотреться в ход событий, мы убедимся, что хотя именно эти обездоленные группы формировали костяк новой религии, однако в силу отсутствия необходимых условий не могли противостоять с этими группами, они даже были лишены возможности беспрепятственно исполнять религиозные обряды. И в результате эти новоиспеченные мусульмане, как явствует из исторических хроник, после претерпевания различного рода оскорблений, притеснений и нападок со стороны своих оппонентов, вынуждены были оставить родные места и переселиться в другой город или другую страну.

В конце этих годов, когда в Мекке происходили названные события, в пятистах километрах от нее, в другом городе - Йасрибе¹ происходили события другого рода.

В отличие от мекканской общины мусульман, основным костяк мединского мусульманского общества состоял из таких слоев:

1) крестьяне-середняки, которые благодаря своим усилиям и трудам могли обеспечить необходимым себя и свою семью;

2) мелкие частные ремесленники, которые, не имея большого капитала или достаточного опыта в торговом деле, опасались включаться в рискованную торговлю с крупными торговцами;

3) различные роды, которые хотя и объединялись в большие племена на основе родственных связей, время от времени с целью наживы и накопления богатства нападали друг на друга; и пока равновесие сил в этих схватках между ними в какой-то мере сохранялось, они находились в постоянном противостоянии, при этом ни одна из сторон не могла перебороть другую;

4) абсолютное меньшинство - эксплуататоры того общества, выдававшие себя за крестьян, как это было им присуще изначально; в силу своей изворотливости и ловкости прибирали к своим рукам ключевые экономические рычаги городской экономики и непрестанно угрожали слабым племенам тем, что в скором времени под руководством Пророка, которого Бог избрал из этого народа, правление городом и руководство перейдет к арабам.²

С другой стороны, все эти четыре вышеназванные группы фактически находились под властью мекканских больших групп. Здесь совершенно очевидно, что

¹ Йасриб - древнее название г. Медины. (Прим. перев.)

² Табари. - ТЗ. - С. 1209-1210.

проницательные и дальновидные люди этого города горели желанием видеть свой город и его жителей далекими от мятежа, анархии и смуты. И, наконец, когда эти группы были осведомлены о происходящем в Мекке, они, как мы знаем, пригласили пророка Мухаммада в г.Медину и просили его принять руководство над мусульманами.

Курайшитские вожди внешне показывали, что не согласны с переселением Мухаммада в Медину, но на самом деле переселение Пророка и его соратников они считали самым удобным случаем, устранившим от них надвигавшуюся опасность. Прошло немного времени после переселения Пророка, как мусульмане Медины столкнулись в схватке с мекканцами. Удары, нанесенные впервые этими первыми неимущими в истории Аравии против сильных и знатных людей, заставили курайшитов задуматься о том, что опасность серьезнее, чем они представляли. Поэтому спешно стали предпринимать хаотичные и не планировавшиеся ранее шаги: провоцирование соседствующих с Мединой племен выступить против мусульман, заключение военных договоров с этими племенами и между иудейскими племенами и племенем Курайш против Пророка. Однако ни один из предпринятых шагов не увенчался успехом и не закончился в их пользу.

Самая последняя попытка недопущения пророка Мухаммада и его соратников в г. Мекку в шестом году хиджры со стороны этих групп закончилась договором мира, заключенным в Худайбие.¹ В действительности это

Худайбийя - дом, который находится в 9 км от Мекки. В 6 г.х. Пророк решил посетить Мекку, однако главы курайшитов не пустили его в Мекку. Но был заключен договор о том, что на следующий год

было первым большим политическим поражением курайшитов в борьбе против Мухаммада. Они рассчитывали, что не пустив пророка Мухаммада в г.Мекку, они в какой-то мере уронят его авторитет, в то время как подписание подобного договора означало официальное признание правления Мухаммада в г.Йасрибе и его окрестностях, с одной стороны, и нарушение договора курайшитов с другими племенами, с другой.

В восьмой год после переселения Мухаммада город Мекка покорился Пророку. Вследствие этого события власть курайшитов пошатнулась, и главы хиджазских племен, выжидавшие подходящего момента, желая знать, чем кончится дело курайшитов, после этого один за другим вступили в мусульманство. Но они не были такими мусульманами, которые вникли бы в истинную суть религии и приукрасили себя мусульманской этикой.

Подобная категория людей в Коране описана так:

Арабы-бедуины говорят:

„Уверовали [в Бога] мы".

Скажи им: „Нет в вас веры,

Вам лучше говорить "Смирились мы",

Ведь в ваше сердце вера не вошла".

Коран. 49:14.

Многие городские жители, которые стали мусульманами, не отличались особенно от этих бедуинов-мусульман. Большая группа курайшитских лидеров и их родичей в эти дни стали принимать ислам, ибо знали, что у них нет другого выхода, и, кроме того, им открылась «форточка», позволяющая использовать этот мир.

Мухаммад и его последователи в течение трех лет, не имея при себе оружия, могут посетить Мекку и вернуться обратно.

Нижеприводимый хадис¹, который дает ал-Бухари в предисловии к своей книге, подтверждает это утверждение: «Все дела исходят от намерений [человека], и всякое дело - от того, что намеревался. Так, кто переселяется ради Аллаха и Его посланцев, то его переселение направлено к Аллаху и Его посланникам, а переселение, которого направлено на достижение мирских благ или встречи с женщиной, то его вознаграждение есть то, что он получил».

Основная цель этих людей заключалась в том, чтобы достичь в новом обществе положения, которого они давно искали. Однако совершенно не известно, соответствовало ли то, что говорил их язык, тому, что утверждало их сердце. Ибн Кутайба приводит предание, которое одновременно ярко показывает духовное состояние группы людей - лицемеров, а также моральное состояние приспособленцев (конъюнктурщиков), которые склонились к мусульманству.

«Уяйна ибн Хисн, прежде чем вступить в ислам, прибыл в Медину и, увидев за чертой города группу людей, спросил их: „Что собой представляет этот человек (Мухаммад)?“ Они сказали ему: „Люди разделились на три группы: одни стали мусульманами и находятся вместе с ним и с его помощью и помощью других воюют против Курайша; вторая группа - те, кто все еще не стали мусульманами, Мухаммад воюет против них; третьи при встрече с Мухаммадом говорят: "Мы мусульмане и с вами заодно", но встретив курайшитов, говорят: "Мы вместе с вами"». Затем Уяйна спросил людей, как именуют последнюю группу. Они сказали: „Лицемеры!“ Тут же

' Хадис («новость», «известие», «рассказ») - предание о словах и действиях Мухаммада, затрагивающее различные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины. (Прим. перев.)

ответил: „О люди! Будьте свидетелями: я буду вместе с этой группой. Судя по тому, что вы говорите, нет среди жителей города Медины более разумных людей, чем эта группа"».¹

В Коране относительно этой группы говорится:

Когда они встречают тех, кто верит,

„Мы верим“, - говорят они.

Но находясь наедине с шайтанами своими,

Говорят: „Мы всей душой с вами,

А там лишь насмехались мы".

Коран. 2:14.

Было бы слишком несерьезно и наивно утверждать, что эти новообращенные в ислам с произнесением формулы свидетельства мусульманского вероисповедания сразу отбросили от себя старые ухватки, такие как мятежность, злопамятность, оскорбление своих подчиненных,

посягательство на чужое имущество и честь, кичение своим родословием, стремление к наживе и угнетению, которые были неотъемлемыми качествами арабов времен джахилии². Также было бы большим преувеличением, если бы мы сказали, что все сторонники Пророка в течение нескольких этих лет получили такое воспитание, что стали настоящим образцом носителя исламских обычаев и нравов.

В течение десяти лет пребывания пророка Мухаммада в Медине духовная мощь Пророка, с одной стороны, и занятие мусульман сражениями и другими делами во имя веры, с другой, не позволяли «закованным дивам», спрятанным внутри мусульман, выйти наружу.

¹ Уюн-ал-ахбйр.ТЗ. С.73.

² Джахилийя («неведение») - эпоха язычества, обозначение времени до ислама и религиозного состояния жителей Аравии до появления. (Прим. перев.)

Однако когда им предоставлялся удобный случай, они обязательно показывали свои клыки.

Комментаторы Корана относительно ниспослания 49-ой суры «Покои» говорят: «Завязался разговор между Абдаллой ибн Аби и Абдаллой ибн Равахой, а затем это перешло в схватку. Эти люди были ансарами¹ (мединскими сторонниками Пророка); и при перебранке один из них, племя которого было больше, чем племя другого, сказал: „Я взыщу с тебя свое право силой“». В Коране имеются и другие аяты, целью которых комментаторы называют устранение межплеменных разладов. К примеру, они пишут, что однажды между Мугирой ибн Шаабой и Амром ибн Асом завязался горячий спор, в котором Мугира поносил Амру. Тогда Амр сказал: «Где Хасис?» {он назвал имя своего деда), а сын Абдулла сказал: «Мы принадлежим одному Богу и к Нему возвращаемся; ты же поступил, как поступают в джахилии! » И Амр ради этого дела освободил трех рабов.² Во всяком случае, все эти обычаи через некоторое время были забыты и спрятаны под занавесом.

Таким образом, единство на основе исламского братства и упразднения родовых привилегий и соблюдение праведности, о чем постоянно напоминает Коран, в обществе Мекки и Медины стало господствующим. Однако как только пророк Мухаммад покинул этот мир, как только ислам вышел за границы Арабского полуострова, как только неарабы со свойственными им неплеменными обычаями восприняли эту религию, как только несметные доходы стали притекать в Медину и главари мусульман от

¹ Ансар («помощник») - мединские помощники Мухаммада. (Прим. перев.)

² Канз-ул-’уммал. Т. 1,2 изд.-С362

противоборства и войны перешли к беспечной и беззаботной жизни во дворцах, садах и поместьях, -постепенно начали проявляться признаки забытой знатности; более того, можно сказать, что после смерти Пророка эти признаки видны постоянно. Курайшиты перестали поклоняться идолам тогда, когда увидели, что воины Медины стоят у ворот Мекки. Они хотели быть в новом правительстве господствующими. Однако поскольку Медина

пригласила Пророка к себе и оказала ему поддержку и при помощи и старании жителей этого города мусульманство распространилось в Арабистане и в том числе в Мекке, то они желали большей доли. В тот день в Сакифе группа людей собралась, чтобы выбрать эмира мусульман. Глава племени хазрадж Саад ибн Ибада Ансари сказал: «От нас один, и от вас один эмир». Мы располагаем приписываемой Абу Бакру легендой, в которой приводится ответ, полученный Ансари: «Пророк сказал: "Вождь мусульман должен быть из племени Курайш". То есть главенствование принадлежит мекканцам, а мединцы должны находиться в подчинении».

Я не хочу останавливаться на рассуждении о правильности или неправильности этого хадиса, присоединившись в большой группе мусульман, которые делали это еще четырнадцать веков тому назад. Я не хочу задеть чувства даже небольшой группы мусульман. Но если такой авторитетный сподвижник Пророка, как Абу Бакр, сказал подобное, то это означает, что ислам и Коран признавали это, т.е. благочестие и набожность в конечном счете не были определяющими в правлении. Из этого хадиса вытекает следующее заключение: если бы на руководство претендовали два человека: один -обладающий минимумом благочестия, но из племени Курайш, а второй - наиболее благочестивый и с большими достоинствами, - то предпочтение, несомненно, было бы отдано курайшиту. Более того, неважно было, является ли новообращенный мусульманин благочестивым, набожным, знающим факихом¹ и достойным. То, что было почитаемо, - это знатность племени, авторитетность рода, что было сконцентрировано в лице Курайша. Почему? Дело в том, что именно это племя Курайш во времена доисламского периода мусульманского общества держало в руках судьбу Хиджаза, и поэтому племя Курайш и после смерти Пророка должно было взять в свои руки правление мусульманами. Как видим далее, в течение полувека правителем мусульманских городов должен был становиться курайшит. Проще говоря, другие должны были без возражений принять то, что диктует Курайш.

То, что передано Абу Бакром как слова Пророка, зафиксировано в авторитетных книгах приверженцев ислама суннитского толка, однако появление первого письменного документа отделяет от времени передачи более двухсот лет. За столь долгий промежуток времени возможно появление фальсификаций, подделок, смещений и извращений. Мое дело не состоит в том, чтобы подходить к этому хадису критически, равным образом я не хочу утверждать, что он является правильным или неправильным. В тот день собравшиеся дали присягу на повиновение и подчинение человеку из племени Курайш, ибо они видели в этом целесообразность и интересы мусульман. Начиная с того дня и в течение двадцати четырех лет еще двое из племени Курайш брали в свои руки бразды правления мусульманами.

Факих («знающий») - богослов-законовед, знаток богословно-правового комплекса. (Прим. перев.)

Абу Бакр не ввел никаких изменений в образ жизни, завещанный Пророком. Омар, обладая умом и требовательностью, по мере возможностей пытался

поступать справедливо. Что касается Османа, то он намеревался сохранить образ жизни своих предков, но не смог. Почему? Поскольку в течение менее чем двадцати лет для племени Курайш в общем и для этого рода в частности наступило время непосредственного вмешательства во все дела этого племени - «дети Умаййа». В тот день Абу Бакр и другие участники собрания в Сакифе, возможно, не думали, что эта привилегия может стать преддверием других привилегий, т.е. что способ свободного выбора мусульманами правителя сменится деспотическим наследственным правлением. Возможно, в тот день, давая эту привилегию племени Курайш, они не задумывались о том, что этим действием они посеют семена недовольства и раздора среди других племен и дадут возможность племенам искать свое превосходство над другими племенами. При этом, конечно, и другие племена, наверное, задумывались о том, чем же выше племя Курайш перед другими племенами и что у этих племен не хватает по сравнению с племенем Курайш? То, к чему стремились в те дни и те часы эти руководители, так это - выяснить обязанность и долг правителя и воспрепятствовать возникновению беспорядков, мятежей и смуты. Если б в новом поколении или двух поколениях после этих людей занявшие места руководителей действовали бы чистосердечно, с заботливостью и с религиозным старанием и рвением, то, возможно, не возникли бы столь тяжелые для будущего развития общества последствия. Однако когда в обществе интересы каких-то родов сталкиваются друг с другом, то кто может дать гарантию, что в грядущих поколениях не схватятся одни роды с другими ради достижения своих интересов? Это вполне естественный итог. Так, правление племени Курайш обусловило непосредственное вмешательство омейядского рода, правление Омейядов закончилось наследственным принципом передачи власти, и наследственный принцип правления стал причиной установления абсолютного деспотического правления в Халифате. Люди не имели права вмешиваться в их дела, особенно в течение последних двадцати лет их пятидесятилетнего правления. Речь не шла о том, что должен делать правитель, должен ли он быть справедливым или нет, следует ли сделать ему предупреждение, если он поступает вопреки справедливости. Что в эти годы казалось важным, так это то, как суметь всегда угодить правителю.

И если он умрет или погублен будет, Ужель вы обратитесь вспять?

Коран. 3:144

Общеизвестно, что ислам возник в г.Мекке, одном из больших городов Аравийского полуострова. Возможно, до этого вы уже читали какую-нибудь книгу или статью о географическом, политическом положении или природе Аравийского полуострова. Но если такая возможность пока еще вам не представилась, то хотя бы один раз посмотрите на карте месторасположение этой территории.

Аравийский полуостров, или полуостров Арабиستان, является местом жарких пустынь, оголенных гор, приобретших своеобразный цвет вследствие действия жгучих солнечных лучей. Северная часть этой земли -пустыня Нефуд, соединяющаяся с Сирийской пустыней. В северо-восточной части

находится пустыня Дехна, которая продолжается до пустыни Руб-эль-Хали. Руб-эль-Хали, которую иногда также называют Дехна, лежит между г.Недждом и ал-Ихсой, т.е. расположена в юго-восточной части Аравийского полуострова. Эта обширная пустыня и в наши дни остается почти безлюдной. Только в южной части полуострова выпадают скудные и нерегулярные дожди, и то лишь зимой и в начале весны. Здесь бывает и так, что в течение нескольких лет не выпадают даже небольшие осадки; и бывает так, что выпадают несколько лет подряд ливневые дожди, образуя селевые потоки, которые сметаю́т все, что попадаете́ся на пути, погребая это под горами песка. Дождевая вода, проникая в почву, становится причиной появления воды в разных местах региона. Просачивающаяся на поверхность подпочвенная вода собирается в ямах, и эти водоемы удерживают небольшие семьи, которые живут вблизи этих водяных луж. Желание получить воду, которая является реальной гарантией жизни, обеспечения травой верблюдов, будучи источником жизни, заставляет кочевников постоянно менять свое местожительство. Результатом этих хлопот и постоянных переселений с одного места на другое стало то, что в большинстве мест этой земли отсутствуют законы и правила, присущие оседлым и городским людям и направленные на улучшение условий жизни. В этих регионах как небольшое сообщество людей, так и большие группы постоянно кочуют с одного места на другое.

В южной части Аравийского полуострова в силу благоприятных естественных условий в этой части полуострова, как и на побережье Красного моря, экономическое положение людей, условия их жизни были более благоприятными, и расселение людей было более плотным. Естественно, в этих условиях законы и правила правления в городах и селах функционируют в соответствии с требованиями местных условий. В силу инстинкта самосохранения и продолжения жизни люди в этих условиях и в этой атмосфере разделяются на две большие группы: 1) люди, живущие в палатках, т.е. бедуины; 2) городские жители. Этих людей называют также по-другому: находящиеся в состоянии оседлости и кочевники.

Ко времени возникновения ислама абсолютное большинство жителей этой земли составляли люди второй группы. В настоящее время мы можем наблюдать, что в шатре (палатке) шейха имеются современные модели новой техники, аппаратура европейского и американского производства, такая как радиоаппаратура, различные транзисторы и другая современная техника. Бедуины, т.е. люди, живущие в палатках, люди менее воспитанные, они и составляют основной контингент жителей полуострова.

Как известно, бедуин это сын пустыни, он воспитывается под открытым небом и на бескрайних просторах и становится физически здоровым, сильным, свободным, самостоятельным и не связан никакими ограничениями, придуманными городскими жителями, которые создали их для людей своего рода. Бедуина до такой степени не привлекает городская жизнь, что когда он на несколько дней оставляет свою шерстяную накидку и шерстяную палатку и, надев мягкую и красивую одежду, прогуливается по

дворцам, говорит: «Нет, мне такая жизнь не нравится, хочу вернуться к своей палаточной жизни и сменить это шелковое платье на грубую накидку».¹

Живущие в условиях пустыни отдельным коллективом составляют племя, а племя образуется из нескольких связанных между собой родов. У каждого племени есть свой шейх. Шейх - это и правитель, и судья, и законодатель, и главнокомандующий во время войны, и любящий отец своего народа. В таком обществе мнение шейха становится законом, он вершит правосудие, и даже создает убеждения и укрепляет веру. Поэтому шейх должен обладать всеми качествами и достоинствами, которые являются неотъемлемыми признаками человека такого положения, т.е. шейх должен быть храбрым, проницательным, волевым, решительным и великодушным. Обычно именно великодушие проявляется у шейха больше других отличительных свойств, доходя до такой степени, что оно переходит в разряд самопожертво-

' Говорят, что однажды Му 'авийа вошел к своей жене Мепсун, матери Йазиды, которая была бедуинкой, когда она читала стихи подобного содержания. Му'авийа пришел от этого в ярость и отправил ее и ее сына Йазиду к бедуинам.

вания - самопожертвования, противоречащего логике разума до такой степени, что он готов жертвовать собой не только ради защиты своего народа, но и чтобы защитить того, кто находится под его покровительством, будучи его гостем.'

Такие качества, как великодушие, самопожертвование и самоотверженность, которыми обладает шейх, присущи всем бедуинам. Такие качества, как свободолюбие, самостоятельность, чистота души и другие, бедуин приобретает от своего «учителя» -- от бесконечной пустыни с ее спокойной природой и чистым воздухом. Это является одной стороной духовного состояния таких людей.

Другую сторону [характера] этого спокойного и самоотверженного народа мы можем наблюдать, когда он неожиданно вспыхивает от обиды на другого и приходит в ярость, и тогда, лелея в себе чувство мести, встает против другого и начинает войну и готов либо одержать победу над своим соперником, либо погибнуть. Причиной такого столкновения может стать, например, то, что верблюд какого-то племени без разрешения пасется на пастбище его племени. Такой поступок считается оскорблением, как для племени, так и для самого бедуина. И не пройдет много времени, как начнется война, но не на день или два, не на

Относительно известной пословицы «Защити гостя, будь это даже саранча» писали, что один из старцев племени увидел группу людей, направлявшихся к его палатке с мешками в руках. Он спросил их: «Что вы хотите?» Они ответили: «Некоторое количество саранчи на ночь село около твоей палатки, и мы хотим, пока солнце не взошло, взять их. Шейх сказал: «Эта саранча пришла ко мне, и я не допущу, чтобы вы нанесли им какой-то вред». Сказав это, он сел на своего коня и, взяв в руки копье, простоял на защите саранчи до восхода, пока они не улетели. Затем сказал: «Саранча улетела от соседства со мной -можете поступать с ними, как хотите».

неделю, не на месяц или год, а на сорок лет. В течение этих сорока лет беспощадно убиваются тысячи - стар и млад, девочки и мальчики и даже кошки и собаки, - не понимающие, что происходит и почему все это происходит. Более удивительным является то, что в честь таких войн сочиняются эпические поэмы, касыды и другие поэтические произведения. Дети и молодежь заучивают эти стихи наизусть, и они передаются от

поколения к другому. Мы также можем видеть, что бедуин совершает удивительные поступки. Например, случается так, что группа людей сидит где-то - беседуют, смеются и проводят время в спокойной эмоциональной обстановке; и вдруг кто-то из сидящих, вспомнив какой-то стих или цитату, преднамеренно или без умысла декламирует этот стих или цитату. В ту же минуту после произнесения этого стиха или цитаты эта группа поднимается друг против друга, ибо данный стих или цитата задевают честь племени или же делает его предметом насмешки, когда член этого племени сидит в кругу других. Эти качества - дух соперничества, честолюбие, нежелание признать себя ниже других, способность вспыхивать как молния, бушевать как гроза - являются другой стороной духовного облика бедуина, взявшего все это от бурной, пестрой и изменчивой природы Аравии. Нужно отметить, что «сын пустыни» наделен двумя дарами: 1) героизм, любовь, бесконечная самоотверженность; 2) гневливость и крайняя злопамятность.

Когда ислам мало-помалу распространился, нашел своих последователей и мусульмане переехали из Мекки в Медину и освободились от зла своих врагов и племена одно за другим приняли мусульманство, пророк ислама - да будет над ним мир - первым делом на пути развития ислама запретил эти два отрицательных качества бедуина.

Исходя из чистоты души, искренности, самоотверженности, он создал братское исламское отношение между этими людьми. После этого между этими людьми возникла такая сплоченность, которую комментаторы девятого стиха суры¹ «Переселение» описывают так: «В день распределения трофеев, взятых из племени Бани Назир, Пророк, обратившись к своим сподвижникам, сказал: "Если вы хотите, сделайте мухаджиров соучастниками в распределении трофеев, а если нет, то вы можете взять все себе". В ответ сподвижники Пророка ответили: "Мы не только трофеи разделим между собой, но и свои дома и имущество разделим с ними"». О причине ниспослания этого аята высказывались и другие мнения, которые предают одну истину, а именно: мусульмане равны между собой; более того, следует считать каждого мусульманина выше самого себя. Такое братство сохранялось между мусульманами долгие годы после Пророка. К примеру, халиф Омар, распределяя долю от трофеев Шама, обратился к Билалу, который приехал в Шам для войны за веру, и сказал: «Билал! Кому ты отдашь свою долю?» Билал в ответ сказал: «Отдам свою долю Абу Рувайхе, которого Пророк сделал моим братом».³

Другое качество пустынного духа - то есть грубость и упрямство - образовало дух борьбы и войны за веру, с тем чтобы кровопролитие, которое было напрасным ради сохранения верблюда и пастбища, совершалось ради Бога и во имя религии. Эти качества дали знать мусульманину,

¹ Сура («ряд», «ранг») - название каждой из 114 частей, на которые делится текст Корана. (Прим. перев.)

² Мухаджир («совершивший хиджру») - мусульманин, переселившийся вслед за Мухаммадом в Медину до завоевания им Мекки. (Прим.перев.) ³ Ибн Хишам. Т. 2. С.127.

что на поле битвы есть два пути и оба они завершаются в его пользу: если будут убиты, то попадут в рай, а если убивают, то приобретают добычу.

Кроме того, пророк ислама с целью полного искоренения чувства племенной мести, которое пустило свои корни в сердцах людей во время джахилии в прощальном обращении сказал: «О люди, любая кровь, пролитая во время джахилии, не считается [преступлением], и первая кровь, которую не видя считаю преступлением, есть кровь Рабий ибн Харриса ибн Абулмоталеба».¹ Дело в том, что этот Раба ибн Харрис был вскормлен молоком кормилицы из БаниЛайс и, согласно племенным обычаям, считался членом этого племени. Однако люди из БаниХузайл убили Рабиу. С того дня, когда Пророк послал в Медину группу воинов для борьбы против язычников, и до того дня, когда Мекка полностью подчинилась, мусульмане, которым приходилось на своей земле бороться против арабов и убивать их, знали, что хотя те и являются арабами, они не мусульмане.

После Пророка, во времена правления Абу Бакра, Омара и Османа, то есть в течение четверти века, арабы, мы видим, ради распространения и развития ислама воевали с немусульманами и неарабами за пределами Аравийского полуострова. В эти годы война внутри Аравии и между самими арабами навсегда была прекращена.

Однако в тридцать пятый год хиджры, когда Талха и Зубейр отделились от Али и вывезли Айшу в Басру, сделав поводом своего поступка отмщение за кровь Османа, война вспыхнула вновь, и листы книги жизни арабов столкнулись друг с другом и се страницы вернулись вспять. Разразилась на земле арабов война,

¹ Табари. События десятого года.

подобной которой не было вот уже четверть века. В этом противоборстве не только араб встал против араба, но мусульманин встал против мусульманина. В первый день войны, когда эта новая страница [жизни] открылась перед ними, они смотрели на нее с сомнением и **нерешительностью**. Однако прошло немного времени, и они заметили, что олицетворяют собой историю одной эпохи. Однако если бы это поколение или большинство его представителей сохранили в своей памяти то, чему учит их религия, и воевали бы со спокойствием и уверенностью, как воевали соратники Пророка рядом с ним, или же хотя бы полностью подчинялись бы имаму и главнокомандующему, то, возможно, они могли бы избежать этой опасной бездны. Но, как мы видим в предыдущих главах, в верованиях и убеждениях людей также образовались трещины, которые усугубляли проблемы, стоящие перед людьми. Для многих воинов Али, которые принимали участие в битвах при Джамале и Сиффине, и особенно в битве при Джамале, где жена Пророка Айша была командующей, невозможно было оценивать события по той логике, к которой они привыкли. Для нас сегодня, когда изучаем эти события, является обычным делом знать, что подавление восставших против правительства, так же как и джихад против внешних врагов, которые подвергают опасности существование ислама, тоже является необходимостью. Однако люди той эпохи или большинство из них не были в состоянии воспринимать эту действительность. Признаки этой несостоятельности мы видим после завершения войны при Джамале, когда

Али, обращаясь к людям, говорил: «Не берите ничего из имущества этих убитых людей! » Однако группа людей, возразив, сказала: «Каким образом кровь этих людей для нас является дозволенной, а их имущество - нет?» Воины-победители ожидали, что добыча, взятая от убитых, будет распределена между ними, как это имело место в предыдущих битвах. Но когда Али сказал: «Идите позаботьтесь о своих раненых», то они ответили: «Мы пришли получить свою добычу, а не слушать наставления». Али сказал им: «Эти убитые занимались куплей-продажей и наживали свое имущество согласно заповедям мусульманства, а также брали в жены согласно положениям мусульманской веры, когда же они выступили против своего имама, нашей задачей было поставить их на место. Но в силу того, что они являются мусульманами, их имущество является имуществом их наследников». Конечно, люди не могли воспринять такую беспрецедентную для них логику. Али, для того чтобы убедить этих воинов, обращаясь к ним, сказал: «О люди, если решено, что жен этих убитых и покоренных людей надо взять в плен, то скажите, долей кого из вас является Айша?» Тут-то они вынуждены были послушаться. Но, как кажется, эти люди не были в состоянии понять искомой цели; единственное, что они поняли, это то, что эта война не подобна предыдущим. И возникло у них в душе такое сомнение: если эти люди были мусульманами, то почему мы их убили? И, возможно, впервые почувствовали, что с мусульманином также допустимо воевать и убить его. В результате этого заповедь не убивать мусульманина в их глазах утратила свою значимость. Впервые после распространения ислама араб противостоял арабу. Несмотря на все это, когда Басра во время битвы при Джамале потерпела поражение, жители Куфы восторжествовали, и эта победа подготовила их для участия в битве при Сиффине. Что касается битвы при

Табари. События тридцать шестого года.

Нахраване, то с одной стороны, все отделившиеся от общины были благочестивыми мусульманами и почитателями Корана, и, согласно высказыванию Малека, они были всем известные люди; с другой стороны, когда они противостояли друг другу, куфиец убивал куфийца и басриец - басрийца. Другими словами, этой битвы было достаточно, чтобы реанимировать память времен джахилии в сердцах невежественных людей. Далее Али сказал: «Мы, сопровождая Пророка, вынимали против своих противников свои сабли и без колебания убивали их, ибо мы тогда подчинялись Богу». Он был мусульманином, который постиг истинную сущность религии, и желал, чтобы и его сподвижники также проникли в истинную сущность религии. Он тогда наблюдал, что вред, наносимый внутренним упрямством и мятежностью, угрожающими мощи халифа и безопасности мусульман, не менее опасен, чем вред, наносимый в результате внешнего вооруженного вмешательства. Однако люди его свиты не знали эту истину, ибо большинство из поколения тех, кто находился в подчинении у Али, сколько они себя помнили, всегда наблюдали, что когда отец отправляется на поле битвы и воюет с чужеземцами, возвращаясь домой,

обязательно с собой привозит какую-то добычу, т.е. он в войне не видел ничего, кроме убийства чужеземцев и обретения трофея; для него понятия центральной власти и единства мощи были чуждыми, ибо в это время прежде чем связать свою судьбу с исламом он был связан с каким-то племенем. Необходимо отметить, что среди воинов Али были и такие люди, которые могли хорошо понять происходящее; в том же случае если они, предположим, не были способны понять обстановку, они, однако, знали, что в такой обстановке необходимо следовать и подчиняться своему имаму;¹ но таких людей по сравнению с другими, не имевшими такого понимания, было мало. Первая группа, так же как и их руководитель, испытывала боль и страдания. И последним желанием соратников Пророка - да будет над ним мир - было, чтобы послали их на поле сражения, с тем чтобы получить награду за мученическую смерть за веру. Если до начала войны при Джамале кто-то из какой-то семьи погибал в священной борьбе за веру, то его семья не роптала и гордилась тем, что выпала ему честь погибнуть за Бога. После битвы в Охое Пророк встретился с одной женщиной из числа ансаров,² отец и муж которой были убиты во время боя. Когда люди выразили ей соболезнование, то она сказала: «Скажите мне, в каком состоянии находится Пророк?» Ей ответили: «Слава Аллаху, он находится в полном здравии». Она попросила: «Вы покажите его мне». И когда она увидела Пророка, сказала: «Когда ты в полном здравии, можно перенести любое несчастье».³ Но после битвы при Джамале, когда Али направился в дом Абдаллы Халафа Хузаи, чтобы выразить соболезнование, его жена Сафийа, дочь Хариса Амири, встав перед «халифом времени», сказала: «О Али! О убийца друзей и повергающий людей в страдание и растерянность! Да сделает Бог твоих детей сиротами, как ты сделал сиротами детей Абдаллы». Эта женщина не думала или не могла понять, что имам мусульман (т.е. Али) ничего не мог сделать против того,

Имам («стоять впереди», «руководить чем-либо», «предводительствовать») - предстоятель на молитве, духовный руководитель, глава мусульманской общины. (Прим. перев.)

Ансар («помощник») - жители Медины из племен аус и хазрадж, которые в 622 г. заключили договор с Мухаммадом, признав его своим верховным вождем и вероучителем. (Прим. перев.)

³ *Ибн ал-Асир. - Т.2. - С.163.*

⁴ *Табари. События тридцать шестого года.*

что случилось. Он (Али) не из-за своего гнева или стремления сохранить свой пост погубил ее мужа и других людей, он все это делал ради исполнения божеской воли; и ее муж и подобные ему, которые пали на поле боя, не только нарушили свой обет перед своим имамом, но и подвергли опасности всю область распространения ислама, и поскольку мирным путем не хотели возвращаться, то, согласно повелению Корана, их следовало принудительно вернуть в ряды мусульман.

Конечно, нет сомнения в том, что эта женщина (т.е. Сафийа) не была единственной, кто после войны встал перед руководителем мусульман (т.е. Али) и выразил свое недовольство. Были и другие мужчины и женщины, которые думали, что Али совершил в отношении их несправедливость. Но Али с присущим ему великодушием не взял во внимание сказанное

женщиной и ничего ей не ответил, ибо знал, что женщина не понимает, почему ее муж был убит.

В битве при Джамале куфийцы противостояли басрийцам; и поскольку, как мы отметили, большинство людей в Куфе составляли йеменцы, а в Басре - музарийцы, то можно сказать, что в битве при Джамале йеменец противостоял музарийцу.

Однако не прошло много времени, как начались новые битвы - сначала при Сиффине, а затем с хавариджами. В этих битвах племенной фанатизм проявился в другой окраске, т.е. не только йеменцы противостояли музарийцам, более того - эти две группы разделились на две части: одни стали приверженцами Али, а другие - Османа, тем самым, встав одни против других. Йеменец из Басры противостоял йеменцу из Куфы и Шама, и музариец из Шама противостоял музарийцу из Басры. Известно, что во время этих родовых перетасовок

между йеменцами и музарийцами йеменцы шли по правильному пути, ибо считали воплощением родового фанатизма курайшитов, которые пытались уничтожить ислам. Йеменцы, узнав, что Му'авийа хочет при помощи курайшитов возобновить родовое правление времен джахилии, остались верными семейству Пророка; и подобно тому, как их отцы поднимались в свое время на поддержку Мухаммада, с тем чтобы захватить Мекку и одержать победу над курайшитами, точно так же их сыновья встали в поддержку Али, чтобы одержать победу над Муавией.

В битве при Сиффине, которую называют войной между йеменцами, т.е. ансарами, и курайшитами, т.е. мухаджирами, один йеменец во время перипетий войны сказал: «О люди! Кто из вас для удовлетворения воли Аллаха желает пойти под копья? Клянусь Богу, в руках которого находится моя жизнь, сегодня мы воюем с вами (т.е. с курайшитами) ради понятия первосмысла Корана (*та'вил*), подобно тому, как в предыдущие годы воевали ради его ниспослания».

Мы воевали против вас из-за ниспослания Корана.

Сегодня мы с вами воюем ради понятия первосмысла Корана.

Чем более затяжной характер приобретали войны, тем больше проявлялись апатия и упадок духа у воинов. Дело дошло до такой точки, что люди мало-помалу стали обижаться на Али, ибо, к большому сожалению, большинство людей были лишены понимания сильной и правильной логики. Отражение и след этих обид мы видим в его проповедях-жалобах, произнесенных после битвы при Сиффине. В результате схваток араба с арабом на полях сражений сильное стремление к джихаду потеряло свой смысл. Мы в Коране находим аят, который ниспослан в связи с битвой под Табуком.' Мусульмане в сражении под Табуком не располагали достаточным военным снаряжением, и когда группа людей подошла к Мухаммаду, чтобы он снабдил их необходимым вооружением, с тем чтобы отправиться на битву, он им сказал: «Я ничем не располагаю», и люди, плача, ушли от Пророка. В двенадцатый год хиджры, когда Абу Бакр сделал Халида ибн Валида своим вербовщиком для нападения на Ирак, в короткий срок было собрано

восемнадцать тысяч воинов. И напротив, по прошествии менее чем четверти века после этого события, когда имам мусульман (т.е. Али) призывал людей к джихаду против тиранического правления Му'авии, когда он поднимал людей против грабителей и мародеров из Шама, бесчинствующих в Ираке, эти люди проявляют меньше активности. Муви́я послал сына Артата на земли Ирака и Хиджаза и дал ему такое приказание относительно приверженцев Али шиитов: любого, кого увидишь, будь то дети или женщины, убивай. Басир направился в Мекку и Йемен; разрушив эти города, он сжег все, убил множество людей. Когда Басир добрался до Йемена, то его наместник Абдалла убежал оттуда. Басир собственноручно убил двух малолетних его сыновей.² Некоторые сообщают, что эти два сына Абдаллы жили с одним человеком из племени капана в пустыне и когда Басир хотел убить их, этот человек воспрепятствовал и сказал: «Если хочешь убить этих детей, то убей сначала меня!» Басир так и сделал, т.е. убил его. Одна женщина из Бани Канан подняла крик и сказала Басиру: «Убил мужчину!»

Убил малолетних

¹ Коран. 9:92.

²КитабАгани. Т.15. - С.44; Та'рих-и тамаддун-и ислами. Т.4. - С.182;

Якуби. Т.2. - С.174.

детей! Такие убийства не имели прецедента как во времена джахилии, так и в период ислама. О сын Артата! Правительство, которое занимается только убийством стариков и детей, есть несчастное правительство».¹

В правление Али, когда согласие и несогласие в отношении его благочестивости и справедливости равнозначны, дело джихада приобретает такой характер, что жена Абдаллы ибн Халафа позволяет себе обходиться со своим имамом так дерзко и нахально; более того, относится непристойно и неучтиво и отрекается от него; правители областей Му'авии совершают набеги и грабежи на землях, подчиненных Али, и его соратники не защищают его, отражая их нападения. Если мы скажем, что в течение этих пятидесяти лет войны, происходившие на полуострове, потеряли свою религиозную окраску и обрели вид межарабских и межплеменных, то это не будет неуместным утверждением. И конечно, естественно, что когда Хусейн - да будет над ним мир - у людей, которые готовились убить его, спросил: «Я не убил никого из вас, не подвергал изменению божественную религию, тогда почему хотите убить меня?», в ответ они якобы сказали: «Из-за ненависти к твоему отцу, которую держали в себе!» Древние историографы не зафиксировали этот ответ, однако его отголосок наблюдается в позднее совершенных убийствах, и сказать такое кажется естественным.

По прошествии пятидесяти лет, с одной стороны, было забыто исламское братство, с другой стороны, гнев и мстительность, которые проявлялись в поле джихада за дело Бога, превратились в племенную злобность и жажду мести. В результате племя хамдан встало против племени ак, канда — против мазджаха и наконец сторонники

¹ ИбнАсир. Т.3. С. 191,211; Та'рих-и тамаддун-и ислами. Т.4. - С.73.

кахтанцев встали против аднанцев или же Омейяды встали против хашимитов, тая в себе ненависть к ним.

VI

Люди являются рабами этого мира, и религия в их устах есть средство обеспечить свое существование.

Хусейн ибн Али - да будет над ним мир.

Как мы наблюдали, некоторое количество жителей Мекки приняли ислам. [Однако] небольшая группа этих людей из-за большого гнета и притеснения со стороны курайшитских вождей отправились в Эфиопию. Эти люди восприняли ислам своим сердцем и чистой верой, и они ради удовлетворения божеской [воли] и удовлетворения Пророка были готовы перенести любые трудности. Также большая группа из числа жителей Медины - те, которые заключали договор во время двух клятвopодданств в Акабе, и те, которые в [Медине] поселили переселенцев в своих домах, - верили Мухаммаду и считали его посланником Бога и отдавали все силы для продвижения божеской религии и жертвовали собой ради нее.

Однако мы не можем сказать, что вера тех, которые стали мусульманами после победоносных битв мусульман и распространения ислама среди племен в окрестностях Медины, до завоевания Мекки и кончины Мухаммада, равнозначна вере переселенцев и мединских сторонников Пророка, которые в трудные моменты пришли на помощь религии. Это была та истина, которую знали мусульмане в те дни, и Коран и сунна подтверждали эту истину. Многие бедуины, которые находились в подчинении ислама, были главарями племен. Ислам многие из этих вождей приняли из-за страха или жадности, и Бог это знает; некоторые из этих людей приняли ислам под угрозой меча, некоторые из них из-за алчного желания получить добычу и возвыситься приняли ислам. При том, что это было показным, Пророк с ними поступал как с мусульманами, то есть как только они произносили [Бог] един, то их кровь и имущество считались неприкосновенными.

Однако Коран, а также сунна Пророка с предупреждением, а иногда с угрозой призывали их к верности.¹ Сам пророк Мухаммад хорошо знал внутреннее состояние этих людей, но он не хотел лишить их неприкосновенности. Но иногда он языком вдохновения говорил, что Бог и Пророк знают о том, что происходит в сердцах этих лицемеров; и знают, что те думают, что им удалось обмануть Мухаммада. Пророк предупреждал, что надо остерегаться этих людей и не следует считать их своими друзьями:

Когда случается благое с ними,

То говорят они: „Сие от Бога! "

Когда же постигает их дурное, говорят:

„А это - от тебя [о, Мухаммад!]".

Многие знатные люди Мекки также не стали искренне мусульманами. В ночь, когда воины из Медины приблизились к городу Мекке, дядя Пророка Аббас вышел из рядов воинов, стал разведывать обстановку. Он хотел до прихода Пророка в город Мекку известить людей, чтобы они предприняли какие-то шаги для того, чтобы город подчинился. Аббас в ту ночь столкнулся с Абу Суфьяном (заклятым врагом Пророка) и дал ему убежище и привел его

к Мухаммаду. Затем, для того чтобы дать ему понять, что у него нет другого пути, кроме как подчинение, спрятал его в надежном месте, с тем чтобы воины ислама проплы мимо него не нашли. В такой момент Абу Суфйан, обращаясь в Аббасу, сказал: «Царство твоего племянника стало заметным и огромным!» Но Аббас предупредил его,

РК. - Стр.25, строка 13.

² Коран. 4:78.

что слово «царство» сейчас не имеет никакого смысла. Это есть величие Пророка.¹ Абу Суфйан также внешне воспринял это, но совпадало ли то, что он сказал, с тем, что было у него на душе? Его поведение после смерти Пророка открывает в какой-то мере истинную картину. Во всяком случае, после покорения Мекки, как мы знаем, курайшиты также покорились [Мухаммаду], и в день покорения Мекки дом главы этого семейства - Абу Суфйана - стал убежищем. И после смерти Пророка это семейство, как мы видим, получило самую высокую привилегию, и пост руководителя мусульман предназначался курайшитами. В течение короткого времени основное усилие и старание Абу Бакра и предводителей *асхабов*² Пророка были направлены на подавление мятежников и вероотступников. В результате этого курайшиты и другие вожди, которые приняли мусульманство с какой-то надеждой, не нашли возможным выставить себя напоказ и были вынуждены сотрудничать с халифом и его советниками, с тем чтобы не допустить разрушения вновь созданного фундамента. Поскольку в те годы государственный аппарат управления сохранял свою примитивность, или, другими словами, большие доходы, как мы увидим в следующей главе, еще не поступали в *байтулмал*³, чтобы возбуждать алчные желания в полной мере, постольку боролись ради единства мусульман и усиления центра Халифата.

Первые признаки надвигающейся опасности проявились во время правления Омара. В эпоху

'ИбнХишм. - 4.4. - С.20-23.

Асхаб («сторонники») - сподвижники Мухаммада, люди, тесно хя с ним или принимавшие участие в его походах. (Прим.

Байт-ул-мал («дом имущества») - 1) казна, общественные финансы; 2) помещение для хранения денег и других ценностей. (Прим. перев.)

правления Омара воины ислама продвинулись от территории Аравийского полуострова дальше и, одержав победу над двумя соседними царствами: Ираном и Византией, с другой стороны покорили Египет. Эти победы и открытия вывели ислам из аравийской среды на мировую арену и принесли исламской территории такой вред, который не был особенно заметен в начале завоеваний. Но не прошло нескольких лет, как «халиф времени» почувствовал эту опасность. Самый значительный урон, причиненный в начале ислама, был нанесен родом Курайш. Это семейство, как будет сказано в следующих главах, во время джахилии создало для себя некоторые привилегии. Оно взяло на себя охрану Каабы и защиту паломников. Таким образом создали для себя некое духовное преимущество. Во время хаджа, когда паломники посещали Арафат, курайшиты занимались упаковкой вещей и перевозкой.

Другим делом было то, что люди были убеждены в том, что обходить вокруг Каабы следует в чистом одеянии; а одеяние считалось чистым тогда, когда оно было приобретено у семейства курайшитов. В случае, когда это семейство из-за скупости или зависти не давало посетителю Каабы одеяние, он был вынужден совершать обход Каабы нагим.¹ После возникновения ислама эта и другие привилегии были упразднены, и люди видели, как Мухаммад, сам будучи курайшитом, уравнил себя с другими. Хотя вожди племени должны были подчиниться, однако гордые и надменные курайшиты не признавали никакого равенства и, как мы видим, после смерти Пророка они захватили привилегию решения судьбы мусульман.

¹ Коран. 2:179.

После того как Омар создал государственный совет по выплате песий и определил в исламе жалование по принципу старшинства по стажу в исламе, и после того как завоеванные земли были распределены между воинами-победителями, эта группа людей, имевшая при джахилии в делах торговли особую сметку, во времена ислама, как только нашла доступ к товару, вновь обратилась к своим старым навыкам.

Омар был хорошо осведомлен об этих делах и, насколько обладал властью, пытался взять под контроль действия этих людей. И когда какой-нибудь переселенец приходил к нему, чтобы попросить разрешения участвовать в джихаде, то он говорил ему: «Не лучше ли тебе сидеть дома, чтобы ты не видел мира и мир - тебя!» Однако с началом правления Османа эти люди рассеялись по городам и смешались с другими, неарабскими, народами и столкнулись с таким образом жизни, которого ранее не знали. В результате постепенно дух исламской дисциплины эпохи Пророка, Абу Бакра и Омара у них ослабевал. Дело дошло до того, что некоторые из них попытались отменить некоторые исламские положения ради своей выгоды. Для примера можно привести следующее и сказать, что возмездие есть одно из явных положений ислама. Об этом в Коране говорится:

В Законе этом

Кроется сохранность вашей жизни -

О вы, кто обладает разумением!

Далее пророк в конце своей жизни поднялся на кафедру и сказал: «О люди! Наступило то время, когда если кто из вас имеет что-то скрытое против меня, пусть скажет это; если я опустил на ваши спины кнут, то сейчас моя спина в вашем распоряжении; если я унизил вашу хорошую репутацию, то моя честь и репутация перед вами! Придите и берите у меня расплату.

Когда Омар совершил поездку в Шам, то один человек пожаловался ему, что правитель несправедливо подверг его избиению. Когда была выявлена несправедливость правителя, Омар сказал: «Угнетенный должен получить у угнетателя расплату». Некоторые люди из его окружения просили Омара, чтобы он освободил правителя от возмездия. И они говорили Омару, что возмездие уменьшает внушаемый правителем трепет и подданные берут над ним верх. Но Омар не внял этой просьбе и сказал: «Я видел Пророка, когда он принимал возмездие для самого себя».² Однако когда Убайдулла, сын

Омара, убил Ормузана и Джафина, обвинив в соучастии в заговоре убийства своего отца, благочестивые мусульмане настаивали на том, что Убайдулла должен получить возмездие за кровь этих убитых людей, курайшиты сказали: «Как может быть такое, что вчера убили отца, а сегодня убьем сына?» И Осман, посоветовавшись с Амром ибн Асом, освободил Убайдуллу от расправы за преступление, а Зийада ибн Лабида, который сочинил стихи такого содержания: «Убайдулла должен быть убит за кровь Ормузана, и если ты его простишь, то ты совершишь несправедливое прощение», наказал, чтобы он больше об этом деле ничего не говорил.

Внимательное изучение жизненного пути многих мекканских переселенцев и мединских сторонников Пророка показывает, что хотя эта группа людей ради [сохранения] ислама претерпевала множество трудностей и вытерпела муки и страдания, хотя Коран местами

Табари. События одиннадцатого года.

² Ибн Саад. *Табакат*. т.1, с. 97.

указывает на удовлетворенность Бога и его пророка этими людьми и этим предпочтением и проявлением удовлетворенности признает за ними право на какую-то привилегию, они никогда не считали себя выше других и хотели, чтобы признали их равными с другими мусульманами. Именно эта скромность увеличивала любовь божьего пророка к ним и вызывала уважение у мусульман.

Однако как только Пророк покинул этот мир, Абу Бакр объявил, что глава мусульман должен быть из племени Курайш, и как только Омар составил бюджет [Халифата], то самую большую сумму [оплаты] назначил Ии. И как только у них в руках оказалось много имущества, знатность духовная и материальная смешались друг с другом, и постепенно основа равенства в исламе исчезла. Дело дошло до того, что в конце правления Османа не только курайшиты предпочитались при назначении на важные государственные посты, но и были заложены предпосылки возвышения арабов над другими мусульманами, которые приняли мусульманство. Во время правления Му'авии «мания предпочтительности» проявилась открыто. Му'авийа и его служащие всячески подвергали унижению мавали и, признавая преимущество араба над неарабом, игнорировали другую основу мусульманства; и мусульманское общество, которое зиждилось на равенстве, было отброшено в доисламские времена, когда национальный фактор, или род играл главную роль.

¹ Мавали - мн.ч. от мавла («вольноотпущенник, клиент») - вольноотпущенники неарабы, раб, слица. (Прим. перев.)

VII

И если б ширил свой удел Господь Служителям Своим (в сей жизни), Они творили бы бесчинства на земле.

Коран. 42:27

В год, когда пророк Мухаммад покинул город Мекку и сделал город Медину центром своего призыва, абсолютное большинство мусульман, которые переселились до него и после него в этот город (т.е. в Медину), были обездоленными бедняками. В те дни ислам не располагал ни капиталом, ни

казначейством, ни каким-то доходом, чтобы обеспечить обездоленных переселенцев. Ансары - мусульмане в Медине взяли этих переселенцев, которые ничего не имели, разместили их у себя дома и сделали их соучастниками своей жизни. Бедность *ахл ас-суффа*¹ всем известна, и это не нуждается в обстоятельном разъяснении. В последующих годах организованные и локальные войны стали причиной обладания этих воинов некоторым имуществом и скотом. Хотя эти доходы и были незначительными, однако они положили начало их обогащению. Но дело обстояло таким образом, что не все имели необходимое для жизни пропитание. Хотя дань от прекращения поста во втором году хиджры была узаконена, однако такой доход, который имел место только один раз в году да еще с незначительной суммой, не мог сильно повлиять на улучшение уровня жизни этих обездоленных бедняков.

Войны, происходившие после пятого года хиджры, некоторым образом подняли уровень жизни, ибо

Ахл ас-суффа или асхаб ас-суффа - «обитатели навеса», бедные сподвижники Мухаммада, не имевшие в Медине пристанища и жившие в мечети у дома Мухаммада. (Прим. перев.)

мухаджиры (переселенцы) получили большую долю от взятых на войне трофеев (добычи), однако эти трофеи не могли обеспечить прожиточный минимум этих переселенцев.

Милостыни в девятом году хиджры были узаконены, и Пророк послал своих инспекторов для ее сбора к племенам. К сожалению, история точно не зафиксировала объем годовых доходов времени Пророка, только из некоторых налоговых книг мы узнаем, что эти сборы были незначительными. Самая большая сумма налогов, собранная во времена Пророка от верблюдов и лошадей и т.д., составляла 40 000 дирхемов.

Во время правления халифа Омара и овладения Ираном, Египтом и административными единицами Византийской империи доходы мусульман резко возросли. Появление этих доходов и богатств заставило Омара задуматься, как поступить с этим богатством? Распределить ли все имущество между мусульманами сразу или делать это постепенно? Наконец, посоветовавшись с сторонниками пророка Мухаммада, он создал некий бюджет и зафиксировал имя каждого мусульманина в отдельной тетради и, учитывая стаж пребывания мусульманина в исламе и его близость к Пророку, назначил ему определенную пенсию.

Не прошло много времени, как руководители сторонников Пророка Мухаммада, используя этот доход, стали заниматься торговлей и спекуляцией и таким образом собрали огромное богатство. Параллельно с этими доходами сахаба получали свою большую долю и от военных трофеев, которые увеличивались постоянно. В результате этого в исламе возник новый слой, который соединял духовное благородство с материальным богатством. Омар, после того как составил названную книгу, насколько мог, старался не допустить, чтобы этот слой (класс) занимался куплей-продажей домов и поместий, ибо он опасался того, что они привыкнут к наживе денег и испортятся. Но Курайши еще не забыли, что они до ислама были

посредниками мировой торговли - торговли, которая соединяла Азию с Европой. Эти люди кроме накопления капитала еще и приобрели большой опыт в вопросах капиталовложения. Омар всячески старался удержать эту группу в г.Медине, кроме того, лично наблюдал за тем, чтобы руководители этих племен не занимали большие посты в [государстве]. Как мы видим из исторических источников, только лишь несколько человек из них были назначены губернаторами (правителями) городов. Когда Омар хотел послать кого-то правителем в какой-то город, сперва он приказывал составить опись его имущества и спустя некоторое время производил проверку капитала [правителя]. [Историки] писали, что Омар, проведя ревизию (*расидаги*) имущества наместника Бахрейна Абу Хурайра, выяснил, что тот собрал [большой] капитал. Он спросил последнего: «В тот день, когда тебя послали в Бахрейн, ты кроме башмаков на ногах ничего не имел, а сейчас, я услышал, ты купил лошадей на тысячу шестьсот динаров. Ты скажи мне: откуда эти деньги?» Абу Хурайра, чтобы спасти себя от отстранения от должности, сказал: «У меня были лошади, которые ожеребились, деньги, которые дали проценты». Омар сказал: «Мы оплачиваем твои расходы из казны, эти деньги для тебя лишние». Поэтому забрал эти деньги и вернул их в казначейство. После смерти Пророка в течение нескольких лет правления халифа Османа, когда еще религиозная дисциплина в мусульманском обществе время от времени брала верх, со стороны халифов и важных исламских личностей делались замечания тем, кто занимался сбором имущества, и эти замечания в большинстве случаев были действенными.

Говорят, что однажды в г. Медину прибыл караван Абд-ур-Рахмана ибн Авфа. Этот караван был настолько большим и значительным, что в городе от его лицемерия распространились большие слухи. Айша спросила: «Какие новости?» Сказали: «Прибыли верблюды Абд-ур-Рахмана». Айша сказала: «Я слышала от Пророка, что Абд-ур-Рахман ибн Авф дойдет до сирата (правильный путь) падая и вставая, как будто он попадает в ад». Когда это сообщение дошло до Абд-ур-Рахмана, он сказал: «Верблюды и то, что находится на их спинах, пусть будет [жертвой] ради Бога». Число этих верблюдов было пятьсот.¹

Кроме того, рассказывают, что однажды привезли Омару некоторое имущество, он стал распределять его. Саад ибн Аби Ваккас, пройдя сквозь строй людей, подошел к Омару, и последний опустил свой кнут на его голову и сказал: «То, что ты подошел ко мне, свидетельствует о том, что ты не боишься божественной власти на земле. Я хотел показать тебе, что божественная власть также не боится тебя».²

Жесткая финансовая политика, проводимая Омаром, доставляла неприятности Курайшу, и в конечном итоге халиф Омар был убит в результате заговора, который организовали несколько главарей этого племени. К сожалению, этот период жизни Омара полон загадочных и запутанных дел, на которых нет возможности подробно остановиться. С убийством Омара была снята большая тяжесть с плеч накапливающих богатства и стяжателей.

¹ Ибн Саад. Табакат. - ТЗ, 4.1. - С.93.

² Ибн Саад. - ТЗ, ч. 1.

Они еще более успокоились, когда бразды руководства были переданы Осману.

Финансовая политика Османа сделала Курайш и других более дерзкими в посягательстве на имущество мусульман. Он не только делал какие-то прибавки к установленным пенсиям, но и впервые вызвал жителей городов к себе и подарил им подарки.¹ Такое действие не имело прецедента до его эпохи правления. Омар, кроме выплаты вознаграждения и пенсий, дал распоряжении, чтобы расстилали скатерти во время рамадана, дабы путники и нуждающиеся сидели за этими скатертями. Кормить неимущих за счет казначейства - это хорошее дело, но, как говорит Таха Хусейн, кто даст гарантию, что сидящий за скатертью является бедным?² Осман этими подарками не ограничился, а прибавил пенсии тем, кому Омаром были назначены фиксированные пенсии. По рассказу Ибн Саада, Осман назначил пенсию Зубейру ибн Аваму в размере тысячи дирхемов, а Талхе - двести тысяч и Марвану ибн Хакаму - шестьсот тысяч динаров⁴.

Ибн Саад пишет, что Зубейр, когда умер, оставил после себя земельные участки в Египте, Александрии, Куфе и Басре. Наследство, оставшееся после смерти Зубейра, составляло сорок млн.⁵, а Талха оставил после своей смерти имущество в размере трех млн.

Из писем Али своим военачальникам и из его проповедей выясняется, с какими трудностями он столкнулся после смерти Османа. Он, наблюдая, как отходят от традиции Пророка, образа действия Абу Бакра

¹ Табари. - Т.6. -С- 2804.

² Инкиаб-ибузург. - С. 79.

³ Табакат. - ТЗ, чЛ. - С.57.

⁴ Якуби. -Т.2. -С.У3.

⁵ Ибн Саад. -ТЗ.ч.1. - С.75.

⁶ Там же. - С.157.

и Омара, огорчался. Али настолько последовательно соблюдал равенство между мусульманами, что когда услышал, что его военачальник был гостем одного из знатных людей, сделал ему замечание: почему ты сидишь за скатертью человека, которым приглашаются богачи, а бедняки лишены этой возможности?

Образ жизни сторонников пророка в его время и в эпоху Абу Бакра был таким, что удовлетворялись тем, что имели, и не старались сделать накопление богатства своей привычкой. Такой образ жизни был изменен во время правления Османа. Объем богатства сторонников и последователей Пророка во время его правления и во время правления Му'авии ярко показывает, насколько люди отклонились от благочестивое™ и отречения от всего мирского, что было духовным условием для мусульманина.

«Храбрость» Курайша и рода Омейядов в посягательстве и захвате имущества мусульман повлияла и на других.

Во время правления Али некоторые из его богатых подчиненных, как только узнали, что наместник Пророка к ним не будет относиться, как относился к ним Осман, забрав имущество мусульман, которое было в их распоряжении,

убежали. Когда привели Маскалу ибн Хубайра к Ибн Аббасу, с тем чтобы вернуть долг, взятый из казны мусульман, он сказал: «Если бы я попросил у сына Аффана (т.е. Османа) больше этой суммы, он никогда бы не отказал». После этого Маскала убежал в Басру к Муавие.¹ Этот человек, внешне мусульманин, к тому же правитель части мусульманских земель, когда просили его вернуть взятый долг, не только не был готов изменить свой поступок сообразно Божественной Книге (т.е. Корану) и согласовать с образом действия Пророка

¹ *Али и его дети.* - С. 127. или же, если он поступил вопреки образу действия Пророка, раскаяться, - нет, он даже и не думал, что это имущество является общественным, а не личным состоянием. Только он мог ответить, что если бы он попросил у бывшего халифа больше этого, тот бы ему не отказал. Это и есть смерть сунны (образа действия во время Пророка) и возрождение ереси. Такое наглое отношение [к чужому имуществу] дошло до такой степени, что даже сын дяди Али также посягал на имущество мусульман и, когда Абу Асвад ад-Дуали на него пожаловался Али и последний привлек его к ответственности, в ответ написал следующее: «Желает встретиться с Богом и принять на себя всю ответственность за имущество мусульман, с тем, чтобы его нравственный долг был исполнен с помощью всей пролитой крови с целью достижения командования и царствования».¹

Совершенно очевидно, что сын Аббаса хорошо знал, что Али не проливал эту кровь по своей прихоти и желанию души, и в битвах, происходивших в Джамале, Сиффине и Нахраване, он не искал возможности прийти к власти и царствованию, а желал он единства мусульман и осуществления справедливости. Сын Аббаса хорошо знал, что строгость Али в отношении казны не направлена на личные интересы, а вытекает из его богобоязненности и желания того, чтобы не потерялось даром имущество бедных руками его сослуживцев. Он все это знал лучше других, ибо вырос в одном доме с Али и был хорошо осведомлен о его нравственном облике. Но мы должны признать и другую истину, а именно: Аббас сорокового года миграции не был Аббасом десятого года миграции.

¹ *Икд-ул-фарид.* - Т.5. - С.57-98. Последнюю часть письма мы не нашли в книгах Табари и Ибн Асира.

За это время, так же как и десяток мусульман подобного ему или более низкого положения, он не отставал от происходивших в обществе изменений. Говорят, что Омар, хотя и ставил Аббаса выше других сторонников Божьего пророка за его мудрость, однако никогда не давал ему какую-либо должность. Он говорил: «Я боюсь того, что Аббас при помощи комментария первосмысла аятов (стихов) Корана завладеет имуществом мусульман». Аббас не был единственным, кто использовал такое комментирование для завладения казной. Мы знаем многих сторонников Пророка, которые в битвах за ислам, рискуя жизнью ради удовлетворения Бога, вышли на встречу с врагом; также знаем многих сторонников, которые уделяли большое внимание казначейству. Однако как только на них перестала падать тень пророка Мухамада, как только простота его эпохи и нескольких лет после него исчезла, как только им стали доставаться огромные доходы,

поступавшие от завоеванных стран, они уже не были готовы нарушить свое спокойствие и вместо того, чтобы предпринять шаги для того, чтобы искоренить новоявленную ересь, разбрелись по своим домам. Они для толкования своих поступков использовали другую логику, пока дерево ереси не стало огромным и не выпустило множество ветвей. Возможно, вначале они не желали, чтобы дело приобрело такой оборот, однако такой конец был неминуем, ибо даже незначительное появление несправедливости в обществе влечет за собой другие несправедливости. Я знаю, что в разных местах имеются чистосердечные люди, которые признают внешнюю сторону хадисов высказываний Пророка и не желают постичь их смысл. Они не хотят принять, что среди сторонников Пророка не все такие, о

' Икд-ул-фарид. - Т.5. - С.Э6.

которых Пророк говорил: «Они (т.е. сторонники Пророка) подобны звездам, и если вы будете следовать за ними, то вы найдете свою дорогу»; они являются теми, кто жил вместе с ним или после него, хорошо держал экзамен и сохранил его образ действия. Они также не хотят принимать то, что среди сторонников Пророка были и такие люди, которые не могли выдержать испытания. Часто бывает и так, что какой-то мусульманин проявляет большое старание ради религии и ее высокого имени, а затем наступает такое время, когда он подвергается какому-то испытанию, и тогда, если его вера не устойчива и его страсти возьмут верх над ним, он, чтобы найти для себя лазейку для спасения и свои [религиозные] обязанности путем желательного ему толкования отставить в сторону и таким образом двигаться вперед, то наступит такой день, когда он увидит, что между тем, что он делает, и тем, что заповедует религия, лежит глубокая пропасть.

Исходя из таких соображений, Мухаммад языком Корана остерегал мусульман относительно этого испытания:

Неужто полагают люди,

Что если они скажут: «Веруем мы в Бога»,

Их не подвергнут испытаниям (на верность этих слов)?

Коран. 29:2.

Такое испытание выпадало многим мусульманам, и в том числе тем, которые имели беседы с Пророком, т.е. тем, кто проливал кровь за ислам, но увидев, что «имам времени» ради оживления образа действий Пророка не готов бесконечно растранижировать имущество мусульман и подарить его этим людям, они отстранились от него или встали против него. Самое удивительное в этом вопросе заключается в том, что своим поступкам они придавали религиозную окраску и вокруг них также собрались наивные люди и конъюнктуристы.

Не раз приходилось читать на страницах истории и часто мне самому доводилось видеть своими глазами, как человек или группа людей ради своего кресла, положения и денег вводили ересь и обманывали людей этой ересью, хотя с самого начала знали, что то, к чему они стремятся, есть мирская жизнь, а не религия. Но постепенно они и сами начинают в этом сомневаться, и спустя некоторое время они становятся уверенными в том,

что то, что делают и говорят, делается ради удовлетворения Бога или добра людям.

Б тот день Талха и Зубейр отделились от мусульман и вместе с женой Пророка направились в Басру. В результате этого отделения я начались первые случаи убийства мусульман на территории, объединенной под эгидой ислама. Возможно, они думали оказать религии какую-то услугу. Они сделали воскресение своим предлогом (средством) и говорили, что не допустят, чтобы право главы мусульман было нарушено.

Говорили ли они все это ради успокоения своей совести или ради обмана людей, этого мы не знаем. Возможно, в тот день они были уверены в том, что идут правильным путем религии, но была ли это та религия, которая дается в Коране и о которой говорил Пророк, или же это было некое собственное толкование религии? Истина заключается в том, что чем больше люди отдались от времени пророка Мухамада и его благочестивых сторонников, тем труднее становилось постижение истины религии, и когда они каждый раз не понимали смысл религии, то дух благочестивости в их сердцах вымирал, и окончательно попрощались с благочестивостью и добродетелью.

Все это был образ действия высшего класса и вождей племен. Положение массы было не лучше их положения. В основном возможно во второй четверти этого пятидесятилетия религия для многих из них сконцентрировалась на таких второстепенных положениях, как пятничные сборы, а иногда соблюдение поста во время Рамадана.

Если б эти люди усвоили хотя бы такое простое положение ислама, что в своих общественных делах они должны подчиняться своему имаму, и если бы они считали себя ответственными перед Богом и людьми, то невозможно было бы, чтобы они восстали против Али и предоставили возможность Амр ибн Асу обмануть жителей Ирака в битве при Сиффине, а затем в Давмату-л-джандале; также было бы невозможным, чтобы мусульмане разрешили грабителям Му'авии со всех-сторон грабить владения мусульманского правителя; было бы невозможным, чтобы лишь по ложному обвинению людей убивали или заключали в темницу; было бы невозможным, чтобы такой человек как Му'авийа объявил себя халифом мусульман и написал бы своему подчиненному: «Засылай к людям шпионов и при возникновении малейшего подозрения, задержи их».¹ В то время как с первых дней мусульманского правления благодаря Пророку было узаконено, что дети принадлежат отцу и прелюбодей не имеет на них никакого права [отцовства], Му'авийа однажды по свидетельству одного человека сказал, что Абу Суфйян, отец Му'авии, находился в незаконной половой связи с Басимой, матерью Зайада, и, опираясь на это ложное свидетельство,

Ибн Асир. Та'рих-и тамаддун-и ислами, - Т. 18. - С. 4.

Му'авийа считал Зайада сыном Абу Суфйяна и своим братом. Не прошло и полувека, однако, к сожалению, имеющиеся в документах указания на людей, которые упрекнули бы Муавийу по этому поводу, можно посчитать по пальцам. А это означает, что исламское общество в тот момент по

отношению к такому недостойному поступку показало себя спокойным и безразличным. Если бы Му'авийа не чувствовал подходящую почву и если бы большинство [членов] мусульманского общества тогда своим молчанием не утвердили такой поступок, то невозможно было бы ввести в религию такую ересь таким непристойным образом.

С убийством Али последний луч благочестивости был потушен в сердцах тех, кто держал в руках бразды правления. После этого повод управления мусульманами перешел к Муавие и его наместникам, и каждый год, даже несколько в год, поступали распоряжения о том, что, де, посмотрите, кто является друзьями «отца праха» (кличка Али), зачеркните их имена от ??? и посмотрите, кто являются друзьями Му'авии и Османа. Увеличьте их дар. Эта проповедь, которую читал сын Зийада после прибытия в Куфу, является свидетельством этой истины: «Йазид поручил мне сделать добро своим подчиненным и не поступать с ними строго. Мой меч и кнут направлены на того, кто не подчиняется моему приказу. Лучше было бы для вас, чтобы позаботились о самих себе».¹

Как станет вам известно из многочисленных параграфов этой книги, несколько факторов сыграли роль в крушении мусульманского общества, но не один из этих факторов по силе действенности не мог сравниться со следующим: стремление к накоплению богатства, и Хусейн ибн Али больше кого бы то ни было поднял завесу

¹ *Табари. -Т.7. - С.242.* над этой истиной, когда говорил: «Люди являются рабами мирской жизни. Они желают религию в той степени, чтобы утрясти свои жизненные вопросы, и как только представиться им какое-то испытание, то они оказываются незначительными приверженцами религии». Я знаю, что передавать каждый из этих рассказов даже для мусульман сегодня огорчительно. Я не хочу тревожить память тех людей, которые стараются сохранять неведение относительно этих вопросов и забыть их. Но если я хочу дать ответы на многие вопросы, как они есть на самом деле, то я должен написать об этом. Эта отдаленность от религии и положений ислама и обращение к старым отмененным обычаям для людей, которые полвека после Мухаммада являлись столпами общества, была естественной, и в обществе, в котором религия и благочестивость не преобладают, возникновение и распространение всяких негативных вещей не выглядит необычным.

VIII

Но те (чье сердце по земле) в грехах (блуждает), Желая смуты, измышляют смысл скрытый.

Коран. 3:7.

Несомненно, в Коране больше, чем в какой-либо другой религиозной книге, уделено внимания науке и мышлению. Мы располагаем и множеством стихов (аятов), в которых Коран остерегает людей от слепого следования чему-то и подвергает осуждению традиционные религиозные верования. Однако мы не находим никаких признаков того, что Пророк ислама использовал бы для пропаганды своего дела то, что в последующие времена в

исламских научных центрах называлось логическим доказательством.

Пророк, намереваясь ознакомить людей с Богом, обращает их внимание на существующие в природе вещи: «Почему они (люди) не смотрят на небеса и облака - каким образом они сотворены? Разве они не сознают, что эти горы, реки, луна и звезды не сотворены напрасно, и кто кроме Бога является повелителем неба и земли?; разве они не видят, что все то, что в этом мире есть, уничтожается, только Бог является вечным?» Он (Пророк), когда намеревается доказать [существование] Бога самым веским доказательством, говорит: «Бог ближе к вам, чем шейная артерия»; далее для того, чтобы сделать Бога более ощутимым, говорит: «Разве в существовании Бога - создателя небес и земли - есть сомнение?», «Если бы Бога не существовало, то миропорядок был бы нарушен».

Нет сомнений, что когда пророк Мухаммад читал стихи Корана людям и перечислял атрибуты Бога, такие как: всезнающий, сотворитель, могучий, всеслышащий, всевидящий, - то его сторонники что-то извлекали из этих вышеуказанных атрибутов. Но бесспорно и то, что они никогда не размышляли об этих атрибутах и не вникали, каким образом эти атрибуты соотнесены с Богом; они не вникали в то, являются ли атрибуты Бога самой Его сущностью или же они добавлены к Его сущности; или же в то, каким образом Бог познает частные вещи; или же в то, происходит ли изменение, которое мы видим в частных вопросах, в божественном знании или нет; является ли божественное знание причиной реализации вещей, и поэтому когда Бог знает что-то, то эта вещь должна существовать, так как существует в божественном знании, с тем чтобы не было игнорировано божественное знание, или же Его знание не есть причина [существования] вещей?; или же в то, свободен человек в своей [судьбе] или действует по принуждению. Ограниченный разум этих людей и неискушенность их разума в таких обсуждениях и дискуссиях не оставляли места для таких вопросов. Факторов, способствующих обращению людей к исламу, было два:

1) глубокая вера
Пророка в самого себя и в свой призыв и внедрение этой веры в сердца людей посредством возбуждения естественной здоровой их природы; то есть та сила, которая в последующие годы в исламской этической науке называлась уравновешенной способностью различения, посредством которой ученые-этики пытались предостеречь мусульман от мышления в русле двух сторон чрезмерности и крайности, которые называют глупостью и тупоумием, с тем, чтобы эта способность проявлялась в их душах;

2) вера и убежденность
людей в правдивости Мухаммада и в то, что говоримое им исходит от Бога. Мы не располагаем никакими данными, что во времена Мухаммада имели место рассуждения и замечания, которые были во второй половине первого века хиджры. Более того, вера и доверие мусульман к своему Пророку в его времена была такова, что что бы он ни говорил, люди воспринимали его слова безоговорочно.

Когда люди, обращаясь к Абу Бакру, сказали: «Вы знаете, какие новые притязания сделал ваш друг?», он спросил: «Какие?» «Он говорит: "Вчера меня вознесли в небеса"». Абу Бакр сказал: «Раз он сказал так, то это правда».¹

В принципе примитивная природа и врожденная чистота характера кочевника Аравийского полуострова и даже городских жителей препятствовали их вступлению в такие диспуты (рассуждения), т.е. степень их доверия к Пророку была такова, что они не позволяли себе задумываться о метафизических вопросах, не говоря уже о том, чтобы для устранения своих сомнений обратиться к логике и диалектике. Случалось и так, что какой-нибудь человек, услышав от Пророка произнесение «Во имя Бога милостивого и милосердного», тут же воспринимал ислам. Как, например, писали о том, как воспринял ислам Адаб, раб Утбы и Шейба.² Бывало и так, что самые заклятые враги Пророка, услышав и прочитав несколько стихов Корана, смягчались и воспринимали ислам.

Относительно того, как принял ислам Омар писали, что когда он услышал, что его сестра со своим мужем приняли новую религию, он направился к ним домой, где в это же время находился Хабаб ибн Арт и учил их чтению Корана; он, увидев Омара, скрылся. Сестра Омара спрятала страницу Корана под своей юбкой, дабы Омар не увидел и не порвал ее. В конце концов, после долгих дебатов и споров между братом и сестрой, и после того, как Омар дал слово, что не порвет страницу Корана, и

¹ Ибн Хишам. Т.2. С.5

² Ибн Хишам. - Т.2. - С.3.

после того, как он для получения страницы Корана очистил себя, она дала ему страницу Корана. Омар задумался и сказал: «Какие красивые и глубокие слова». Писали, что на той странице было несколько стихов из суры¹ «Марьям», и Омар, прочитав их, принял ислам.² Омар и Адаб были не единственными, кто, услышав имя Бога или прочитав несколько стихов из Корана, стали мусульманами. Мы знаем десяток таких людей, которые приходили к Мухаммаду, чтобы поспорить с ним и высказать свое возражение и отказ от [ислама], однако, побеседовав и услышав от него главы из Корана, тут же становились мусульманами.

Однако несколько лет спустя, когда Али посылает своего двоюродного брата Абдуллу ибн Аббаса для переговоров с хавариджами, он предупреждает его: не говори с этими людьми (т.е. хариджитами) о Коране, ибо аяты Корана обладают различными оттенками значения, и когда ты говоришь со своим оппонентом языком Корана, он может интерпретировать его в другом смысле и ты не сможешь ответить ему о [другом значении аята].

Во время войны в Нахраване, мы видим, когда некоторые оппоненты Али выходили на поле боя, читали какие-то стихи Корана, с тем чтобы косвенно сказать Али: поскольку ты стал неверным, то прежние хорошие твои деяния также исчезли. Однако в течение четверти первого века ислама мы не находим каких-то примеров таких толкований. Тогда что случилось в исламском обществе, где происходили такие изменения в понимании смысла

Корана? Увидим ли мы что-то кроме каких-то спекулятивных споров, в которые вступили мусульмане, которые расшатали дух их веры, или их природа

¹ Сура - глава Корана. (Прим. перев.)

² Ибн Хишам. -Т.1.- С. 364-370.

отклонилась от прямого пути, или же имеются другие причины?

Как нами было сказано выше, люди во времена пророка Мухаммада, в силу их веры в слова Пророка, даже не позволяли себе думать о метафизических вопросах. Состояние покорности и удовлетворенности, а также правдивость Мухаммада создавали в душах людей такое глубокое единобожие, что не оставалось места для проникновения каких бы то ни было сомнений и колебаний. Дело доходило до того, что они боялись размышлять о своем убеждении. Однажды пришел к Мухаммаду один человек и сказал: «О Божий пророк, догадайся о моем внутреннем состоянии, ибо я сбился с пути».

Мухаммад в ответ сказал: «Я знаю, что к тебе приходил дьявол и спросил тебя: "Кто тебя сотворил?" Ты ему ответил: "Бог!" Тогда он спросил тебя: "А кто сотворил Бога?" Но ты не смог ему ответить. Разве не так?» Тот сказал: «Клянусь именем Бога, который послал тебя для пророчества, было именно так».¹ Из содержания этого вопроса и ответа мы понимаем, что мусульмане принимали все, что говорил Мухаммад, но если случалось, что они в чем-то сомневались, то они обвиняли себя в заблуждении. Однако не прошло и одного столетия, и один человек спросил у Али: «Наш поход в Шам был ли божественным предопределением?» Али ответил: «Да!» Тогда этот человек сказал: «Мой джихад не заслуживает никакого вознаграждения, ибо так было предопределено». В ответ Али ему сказал: «Как будто ты воспринимал божественное повеление необходимым, а предопределение обязательным.

Если б дело обстояло таким образом, то

Усул-и кафи. Т.2. - С.425.

вознаграждение за хорошие деяния и наказание, обещание и угрозы потеряли бы свою силу».

Спор относительно предустановления и предопределения принуждения и свободы воли относится к таким вопросам, которые возникли впервые в городе Куфе в результате соприкосновения мусульманской веры со спекулятивной наукой вновь вступивших в ислам народов. Эта наука была «подарком», принесенным новыми мусульманами востока и северо-востока Аравийского полуострова простодушным по природе жителям этого региона. В последующие годы в течение нескольких веков один только Бог знает, сколько времени и сил в исламских областях было истрачено напрасно и сколько душ было погублено в спорах вокруг этих вопросов. Но все же верно одно: то, что проникновение этих споров в исламские области было делом естественным и неизбежным. Начиная с этого времени приверженцы каждой группы или течения, вожди и последователи разных научных или политических школ пытались для доказательства правильности своего мнения использовать внешние смыслы стихов Корана. Чрезмерность в толковании первосмысла (*та'вил*) [аятов Корана] дошла до такой степени, что убийца потомка Пророка также для оправдания своего подлого действия

обращался к стихам Корана и считал убийство Хусейна результатом его собственных действий и божественным предопределением.

¹ Нахдж ал-балаш. - С.99.

Та 'вил «(возвращение к истоку к началу)» - метод рационалистического или символического -аллегорического толкования Корана или сунны. (Прим. перев.)

³ Когда пленных привезли во дворец Йазида, он обратился к Хусейну, сыну Али, и сказал: «Твой отец нарушил родственные отношения и отрицал мое право и ради получения власти встал против меня, и Бог

Конечно, если продолжались бы то чистое убеждение и глубокая вера, которые господствовали в мусульманском обществе в первую четверть первого века возникновения ислама, - и совершенно очевидно, что такое отношение было бы невозможно, - то, возможно, не было бы причин для войны Джамала, в Сиффине и Нахраване, и не было бы каких-то мотивов, особенно для войны Нахравана, не говоря о Кербале, где не были бы так изранены честь и достоинство общей веры. Но, к сожалению, так не случилось. Как было нами отмечено, каждое толкование влечет за собой другое толкование и каждое убежище доведет до другого убежища и в результате получается так, что между тем, что было, и тем, что есть, разверзается пропасть.

поступил с ним так, как ты видел». Хусейн, сын Али, в ответ прочитал следующий стих Корана:

И ни одна беда ни землю

И ни души ваши не постигнет,

Чтобы о ней в Писании не указалось Раньше, чем Мы ее осуществим. (Коран. 57:22).

Йазид, обращаясь к своему сыну Халиду, сказал: «Дай ему ответ!» Но Халид не знал, что сказать. Тогда Йазид сказал: «Говори: та беда, которая постигла вас, была получена вашими руками, и она прощается от многих». (Табари. - 1.7. - С.377).

IX

Пока неверные в своих сердцах

Хранят высокомерие и злобу,

Что от невежества их (истекают).

Коран. 48:26.

Как нами было сказано, часть жителей Аравийского полуострова жили в землях возделанных юг Полуострова, - а другая - в городах Хиджаза, который имел торговое значение. Эти две группы отличались друг от друга как в отношении географического расположения, так и в этническом плане. Южан называли кахтанитами или йеменитами, а жителей запада и северо-запада именовали аднанитами. Эти две группы получили свои названия от имен своих предков.

Каждая из этих двух групп делится на племена, роды и семейства. Культура у кахтанитов в силу географии их расселения была более развита, чем у аданидов. Наиболее известными родами кахтанитов до возникновения ислама были следующие: Саба, Химяр, Кахлан, Азд, Мазан, Гассан, Авс, Хазрадж, Хузоа, Баджила, Хасам, Хамдан, Тай, Лахм, Каида, Кузаа и Калб. Аднаниты, или арабы Хиджаза, также разделялись на племена и роды, наиболее значимым из которых является Маадийан. Маадийан также делится на племена, среди которых Ийадийан и Низарийан. Племена Рабия и Мудар

ответвляются от Низарийан. Племя Рабиа жило в Ираке, и племена Асад, Джудайла, Таглиб, Бакр и другие происходят из этого рода. Мудариты жили в Хиджазе. Мударитов также называли Кайсидами, ибо Кайс был сыном Мудара ибн Низара. Генеалогия Курайша доходит до Илйаса ибн Мудара. Эти племена, несмотря на их разобщенность и рассеянность, сохраняли свою генеалогическую связь, существовавшую еще до возникновения ислама, ибо небольшой род обычно входил в более большой род, а большой в еще больший. В случаях, когда возникала какая-то стычка, родственники по степени родства поднимались на помощь друг другу. Это отражено в пословице: «Я и мой брат встаем против сына своего дяди, и я и сын дяди - против чужих». По мере расширения стычек уже кахтанит противостоял аднаниту. Исходя из этого, когда завязались стычки между Омейядами и Хашимидами, [племена] Хузаа и Хамдан не видели никакой причины, чтобы вступить в бой с тем или с другим, кроме как если б вызвали на помощь тот или другой. Но когда стычки происходили между Курайшем, Авсом или Хазраджем, то, естественно, Хузаа поддерживал Авса, а Рабиа - Курайша.

В результате возникновения ислама и верного руководства Пророка путем чтения назидательных проповедей, заключения братского договора и других наставлений родственный фанатизм временно был забыт, но не был искоренен полностью, ибо жизнь пророка Мухаммада и его чистосердечных друзей не была столь продолжительной, чтобы в корне изменить Нарвы и обычаи этих племен и воспитать их в духе религии ислама. Они, когда слушали последнюю прощальную проповедь Мухаммада, который говорил: «Всякую кровь, пролитую во времена джахилии, я оставляю под ногой», возможно, и приняли ее. Но не известно, в каком виде эта проповедь дошла до слуха тех, которые не присутствовали [во время] проповеди и ее не слушали, а восприняли ее через каких-то посредников; не говоря уже о тех людях, которые еще не были рождены.

Во всяком случае, со смертью и убийством очень многих искренне верующих мусульман постепенно дух сплоченности и единства в людях был расшатан. Однако, как нами было отмечено, строгое отношение Омара к этническому фанатизму, с одной стороны, занятость мусульман внешними войнами, с другой - не давали возможность этим людям думать о своем прошлом или заниматься реанимацией привилегий, бытовавших при джахилии. Омар всегда строго контролировал равновесие сил между мударитами и йеменитами. Когда он назначал правителя одного города из мударитов, то правителем другого города назначал представителя йеменитов.

Когда пришел к власти Осман, хотя он дал слово Омару, что не отстранит от должностей его чиновников, не прошло и года со времени этого обещания, как он начал отстранять [чиновников Омара] и назначать своих. Отстранив от должности наместника города Куфы Саада ибн Аби Ваккаса Осман назначил своего родственника Валида ибн Акаба ибн Аби Мунта, который обманул [в свое время] Пророка, в результате чего был ниспослан аят (стих) «Ан-Наба'» («Великая весть»). И поскольку при этом наместнике коррупция получила

большой размах и стала обременительной для жителей Куфы, то Осман освободил его и назначил на его место Сайда ибн Аса. Осман отдал в распоряжение Саада ибн Абдаллы ибн Аби Сараха провинции Египта. Этот человек в свое время оклеветал пророка и после того как принял мусульманства опять стал неверным и после того, как Мекка была захвачена [мусульманами], из страха опять объявил себя мусульманином.

Абу Мусу ал-Ашари, который был назначен Омаром наместником Басры, Осман оставил правителем еще на несколько лет. Однако Курайш и родственники халифа заметили, что управление тремя большими провинциями находится в руках Курайша: Куфа находилась в руках Валида, Шам - в руках Му'авии и Египет - в руках Амра ибн Аса, то есть правители этих трех провинций - мудариты, и только лишь в Басре остался правитель из рода йеменитов - Абу Муса Аджнаби.

Говорят, что однажды один мударит из племени Бани Даба пришел к Осману и сказал: «Нет ли среди вас отрока, которого посчитали бы взрослым и поставили бы его правителем Басры? До каких пор этот старик (т.е. Абу Муса) будет править в Куфе?»¹ В конце концов Осман отстранил и его. В этом разговоре, который внешне соответствует обычаям, действующим в те времена, мы не видим даже упоминания тех качеств, которые ислам считал необходимыми для повелителя мусульман. Не имеет значения, поступает повелитель города с людьми справедливо или нет. Им нет никакого дела до того, выполнял ли он заповеди Корана или же игнорировал их, а дело заключается в том, почему в Басре, где абсолютное большинство жителей составляют мудариты, правитель йеменит? Как наблюдаем далее, через четверть века огонь, тлеющий под пеплом, вновь разгорается и постепенно охватывает кое-где исламские города. Для того чтобы показать, каким образом отмирают обычаи и воскрешается ересь и каким образом вновь воскрешаются племенной дух и нетерпимость времен язычества, мы хотели бы привести рассказ, в котором, по мнению историков, зафиксировано первое разногласие между мусульманами.

Рассказывают, что однажды ночью Сайд ибн Ас, правитель Куфы, пировал вместе со старейшинами различных племен. Речь зашла о щедрости Тальхи. Сайд сказал: «Конечно, если кто-то имеет такое засеянное поле, то он может подарить что-то, и если б я имел такое

¹ *Инкилаб-и бузург*. - С.121. засеянное поле, я подарил бы больше его». Разговор дошел до того, что Сайд сказал: «Савад (т.е. земля Ирака) является садом Курайша». Аштар Нахаи, который был из йменидов, ответил: «Эту землю мы покорили мечом, каким образом она может быть садом Курайша?» Абд-ур-Рахман Асади, начальник полиции Сайда, сказал: «Ты это говоришь в лицо эмиру?» Он дал знак своим людям, и они, подойдя к Аштару, избили его до потери сознания.¹ С этого момента мудариты и йемениты стали опасаться друг друга, в результате чего йемениты встали рядом с Али, а мудариты поддержали Муавию, кроме нескольких мударитов, которых Му'авийа привлек к себе при помощи денег.

Удивительным является тот факт, что это разделение на группировки и соперничество между мударитами и йеменитами сохранилось не на годы, а на столетия, изменив лишь название: противостояние мударита и йеменита стало противостоянием кайсита и йеменита. Кайситы происходят из племени Бани Адман, а йемениты - из Бани Кахтан. Противостояние этих двух родов породило войну «Мурдж-ур-рахта» при правлении Марвана и Ибн Зубейра, и разногласия этих двух родов распространились на все правительства - Омейядов, Аббасидов, Сирии, Ирака, Египта, Фарса, Хорасана, Африки и Андалузии, до тех пор пока не пришел другой этнос (этнос турка) в правительстве Аббасидов, где эти пререкания были ослаблены, а затем вовсе прекратились.

Неплохо было бы привести рассказ, который является ярким свидетельством соперничества этих двух честолюбивых родов, хотя события этого рассказа происходили много лет спустя после анализируемого события.

'ИбнАсир. - Т.3. С. 138-139.

Зийад ибн Убайд ал-Хариси рассказывает: «Во время правления Марвана ибн Мухаммада мы вместе с другими отправились посетить его. Нас сначала привели к Ибн Хубейре, начальнику полиции Ибн Марвана. Он по одному принял всех гостей, и каждый из них долго говорил о Марвии и Ибн Хубейре. Ибн Хубейра расспрашивал гостей об их генеалогии. Я отстранился чуть подальше, ибо знал, что этот разговор имеет плохой конец. Я надеялся, что гости своим многословием утомят его и он прервет разговор, но он всех спросил, и никого не осталось, кроме меня. Он велел мне подойти к нему и спросил: "Из каких людей ты родом?" Я сказал: "Из Йемена". Он спросил: "Из какого рода?" Я сказал: "Из Мазхаджа". Он сказал: "Говори точнее". Я сказал: "Из Бани Харрис ибн Кааб". Он сказал: "Ты брат Харриса? Люди говорят, что отец йеменцев происходит из обезьян, ты что об этом скажешь?" Я сказал: "Раскрыть значение этого слова не составляет трудности". Ибн Хубейра сел прямо и спросил: "Какой у тебя аргумент по этому вопросу?" Я сказал: "Ты посмотри на прозвище обезьяны: если ее называют "Абулйаман" (то есть "отец Йемена"), то в таком случае обезьяна есть отец йеменцев, а если же она имеет прозвище "Абу-л-Кайс" (то есть "отец Кайса"), то обезьяна является отцом других. Ибн Хубейра раскаялся в том, что начал этот разговор».'

Эта фанатическая приверженность к своему роду достигла своего апогея при правлении Му'авии. Теперь речь не шла о том, кто более благочестив, или о том, благочестив ли он или нет, а все сводилось к тому, кто является более сильным и более известен своей храбростью или щедростью, чтобы в трудные моменты мог лучше защитить того, кто ищет у него убежища. Когда

'Ал-Хафиват ан-шидра. - С. 131-132.

Му'авийа отправил Ибн Хадрами в Басру, чтобы последний обманул жителей этого города и отговорил их от подчинения Али, он сказал ему:

«Отправляйся к Тамиму, но держись подальше от родов Азд и Рабиа, ибо они являются приверженцами Али». Ибн Хадрами поступил так, как повелел Му'авийа.

Зийад, который вместо Ибн Аббаса управлял делами Басры, написал письмо Али и сообщил ему о том, что происходит. Али послал одного человека из Бани Тамим к этим людям, которые давали Ибн Хадрами убежище, однако они убили его. Али еще одного человека из Бани Тамим по имени Джарийа ибн Кудама с армией отправил в Басру. В результате между этим послом и Ибн Хадрами разгорелась стычка, и Ибн Хадрами с несколькими своими соратниками спрятался в какой-то крепости. Джарийа сжег Ибн Хадрами и его соратников. Но люди племени Азд подвергли порицанию Бани Тамим за то, что они не смогли защитить просившего у него убежища.

Некий поэт из Бани Азд сочинил стих о том, что произошло тогда, содержание которого следующее:

Мы вернули Зийада к его дому,

Ищущий убежища у [племени] Бани Тамим
превратился в дым, испарился в небе.

Пусть будет подлым тот, кто изжарил ищущего у него убежища.

За два дирхема можно кожу содрать с барана и изжарить его.

Когда они жарили его голову в пламени огня,

Он призывал этих подлых людей для своего спасения,
ведь наш обычай таков, что

Мы оказываем помощь тому, кто просит у нас убежища,
с тем чтобы не поступили с ним несправедливо.

Когда пришел к нам ищущий убежища, мы оказали ему помощь.

Только родовая знатность может защитить ищущего убежища.

[Племя] Тамим не оказало должного уважения
к ищущему убежища.

Самые славные ищущие убежища те,
которые благородны своим происхождением.

[Племя] Тамим в прошлом так же поступило с Зубейром,

Вечером убили его и унесли с его тела его одеяние.¹

Необходимо знать, что Зийад был наместником Али в г.Басре, а Ибн Хадрами был послан Муавией для организации беспорядков и ограбления этого города.

Чего мы не наблюдаем в этих поэтических строках -это подчинение Богу, «имаму (предводителю) времени» и выполнение религиозных положений. Но то, что здесь [т.е. в этой поэзии] мы видим, - это гордость превосходства племени Азд над племенем Тамим, так как племя Азд проявляло уважение к ищущему у них убежища, до тех пор пока он не одержал победу. В то время как племя Тамим не смогло оказать помощь ищущему у них спасения, в результате чего он сгорел в пламени огня. Вслед за этими несколькими бейтами (единица стиха, состоящая из двух строк), приведенными Табари, мы видим другие бейты, которые написал Джарир в восхваление племени Азд.

Если исследователь подвергнет анализу такие стихотворные бейты 35-60 годов хиджры, то он найдет

¹ *Табари.* - Т.6. - С. 3417-3418.

'Табари. -С.3417-3418.

множество таких [бейтов], которые посвящены событиям и различным взаимоотношениям тех времен, и одно становится очевидным - то, что в общественном сознании этой четверти века всюду ожили национальный фанатизм времен джахилии и дух исламского шариата (мусульманское право) был ослаблен.

Нет нужды писать о соперничестве Бани Умаййа с Бани Хашим и вражде сыновей Абдалишамса до ислама с сыном своего дяди, которую они затаили в себе. В сороковом году хиджры, когда Му'авийа взял правление в свои руки, осуществилась мечта [династии] Омейядов. Му'авийа прилагал большие усилия для того, чтобы искоренить шиитов, поддерживающих Али, и оторвать их от Бани Хашим. В стихотворных строках, приписываемых Йазиду, который смешал свои стихи со стихами Забари -заклятым врагом пророка Мухаммада, мы меньше всего видим обращение к религии, исламскому правлению и соблюдение интересов мусульман.

Истина заключается в том, что одни из рода мударитов свою мстительность проявили в отношении другого рода, и кровь Омейядов, пролитая в битве Бадра рукой Мухаммада из племени Хашим, была смыта также кровью.

Когда Шамар по приказу сына Зийада был откомандирован в Карбалу, Убайдулла сказал ему: «Если сын Саада во время битвы с Хусейном проявит слабость, то ты бери командование в свои руки! » Он на имя четверых детей Али, мать которых была родом из Бани Килаб, и его племени взял письмо пощады и, когда он прибыл в Карбалу, представил это письмо Аббасу, сыну Али, но Аббас не принял это письмо и проклинал его.

Чего мы не можем наблюдать в этом рассказе с самого начала, так это соблюдения установлений и предписаний ислама, а то, что видим - это соблюдение и

сохранение обычаев племени и отношений времен джахилии, которые ислам в свое время устранил. Наместник Басры, который считал себя представителем повелителя правоверных, и сын Саада и Шамар и не думали о том, что Хусейн и его соратники, по их мнению, не являются мусульманами и поэтому с ними следует воевать, а если они являются мусульманами (а в религиозных вопросах родственники и неродственники одинаковы), то и убивать их нельзя. Однако не прошло и полувека после смерти пророка Мухаммада, как арабы вновь вернулись к своим старым обычаям времен джахилии, будто бы в этих землях и не было ислама и не было никакого исламского братства. Еще раз утверждаю, что то, о чем написано в этой и других главах, и сделанные заключения есть реальная картина того, что происходило среди большинства мусульман. С другой стороны, совершенно очевидно, что во всех окраинах и местах Хиджаза, даже в центре правления Му'авии, были благочестивые, правдивые и религиозно чистые люди, которые не имели никакого отношения к этим людям, и они страдали от того, что совершало это большинство. Поэтому эти люди отстранились от происходящего и проводили свое время и свои дни в

служении Богу. Но если б, выступив вперед, они говорили бы что-либо в защиту религии, то их бы никто не услышал.

И никогда Аллах не поменяет Такого (положения) с людьми, Пока они не переменят его сами.

Коран. 13:11.

Другой вопрос, о котором здесь следует поговорить, -это вопрос правления в исламе. Данный вопрос является одним из кардинальных обсуждаемых вопросов, который стал одним из действенных факторов изменения исламского режима и падения существующего общества, особенно в последние двадцать лет. С того дня, когда пророк Мухаммад заключил свой известный договор с жителями города Медины, ислам вступил во второй этап своего существования. Религия смешалась с правлением и приобрела государственную форму (облик), ибо когда Мухаммад жил в Мекке, ислам был только религией. Его практические положения касались исполнения религиозных обрядов и соблюдения некоторых нравственных правил. Однако в г. Медине правление приобрело какую-то составную форму. Правление, в котором божественное повеление имеет надзор над связью раба [божьего] и Создателя и раба [божьего] с людьми.

С первых дней основания ислама и до конца этих пятидесяти лет кроме пророка Мухаммада держали в руках бразды правления мусульманами еще шесть человек.

Что представляется необходимым рассмотреть - это то, каким образом и по каким критериям пришли во власть правители и до какой степени мусульманское общество имело право вмешиваться в это, и если мы хотим сопоставить их правления, то с какими современными правительствами в качестве примера мы можем их сравнить.

Нет сомнения в том, что пророческая миссия Мухаммада была установлена свыше. Он велением Бога был уполномочен призывать людей к вере в единого Бога.

Положения, которые он соответственно со стихами Корана или своим поведением сделал обязательными для мусульман, в этой форме не имели до этого своего аналога, т.е. были беспрецедентными, хотя в других вероисповеданиях мы находим для некоторых положений какие-то подобные формы. Многие положения в последующие времена стали основой для создания мусульманского права, т.е. они стали фундаментом для гражданского и политического права; и множество правил, связанных с торговыми делами, также носили учредительный характер. Однако ни в Коране, ни в сунне нет указания на то, что люди в своих делах зависимы от небесного откровения и лишены всякого выбора, так что в самых частных своих делах должны ждать распоряжений Бога.

Пророк [обычно] при решении государственных и политических вопросов советовался со своими сподвижниками и в некоторых случаях принимал то, что они говорили. Мы можем сказать, что его способ правления был неким двусторонним обязательством между ним и Богом с одной стороны и между людьми и Богом - с другой, и люди обычно принимали от него то, что было

связано с небесным откровением, и он принимал от них то, что было связано с мнением людей. Но мусульмане считали его пророком, посланным Богом. Во всех спорных вопросах и случаях окончательно решающим было его мнение, которое решало все вопросы. Хотя после смерти Пророка возникли споры вокруг вопроса правления мусульманами, и сегодня, по прошествии более тысячи четырехсот лет после этих

событий, до сих пор продолжаются горячие дебаты между различными течениями в исламе по этому поводу, однако все убеждены в том, что наследственное правление не является признанным фактором в правлении мусульманами. Если шииты признают Али наиболее достойным после Пророка кандидатом в правлении мусульман, то они так считают не потому, что Али является двоюродным братом пророка Мухаммада, а за его знания, стаж в исламе, его старания и усилия ради религии, его благочестивость в деле имамства (руководства) и его справедливое отношение к мусульманам. Если бы только наследственный фактор в деле правления имел какое-то значение, то следовало бы передать правление его дяде Аббасу.

Абу Бакр, которого в Сакифе Бани Сайд избрали руководителем Халифата, не имел никакого [родственного] отношения к Мухаммаду. Сыновья Абу Бакра также после его смерти не стали наследниками Халифата, а стал правителем мусульман Омар, который происходил из племени Бани Ади. Верно, что Омар был назначен халифом Абу Бакром. Но эта должность приобрела официальный характер, когда переселенцы из Мекки закрепили подписью это действие Абу Бакра. Когда Осман показал письмо Абу Бакра людям и спросил: «Будет ли принят в качестве халифа тот, кого Абу Бакр указал в своем письме?», то главы переселенцев и сторонников Пророка ответили: «Да».

Таким образом, выбор Абу Бакром Омара в какой-то мере был закреплен общим мнением мусульман. После Омара его сын также не стал по наследству халифом. Но те шестеро, которых Омар выбрал членами совета, выбрали Османа халифом. Али также был выбран членами совета переселенцев и сторонников Пророка и других мусульман халифом, по одной версии - в день убийства Османа, а по другой версии - после нескольких попыток, переговоров и обмена мнений. Как явствует, в течение четверти века после кончины Пророка группа людей, которые ввиду их первенства в исламе и старания ради дела религии имели у людей духовный авторитет, от имени других лиц так или иначе назначали правителя мусульман. В течение всего этого времени Али, который по убеждению шиитов был неоспоримым халифом мусульман после Пророка, с целью сохранения единства в исламе и соблюдения интересов всех мусульман всегда искал с другими взаимопонимания. Это право выбора у мусульман считалось естественным и правильным до такой степени, что если халиф обычно не соблюдал общих интересов людей, то они считали своим правом аннулировать клятву в признании власти правителя.

Первая ересь в мусульманстве - в битве при Сиффине. Ересь, сторонники которой вначале недопонимали ее последствий, а если и понимали, то

недооценивали степень ее вреда и ущерба. В тот момент, когда Му'авийа почувствовал свое неминуемое поражение от воинов Али, он использовал свою известную хитрость - на штыках поднял листы из Корана и призвал жителей Ирака поступать согласно Книге Божьей. Как известно всем нам, Али использовал все свои силы и возможности для того, чтобы объяснить своим сторонникам, что Му'авийа и Амр, сын Аса, никогда не хотели и не хотят решения по Корану. Они использовали эту хитрость лишь потому, что предчувствовал свое безусловное поражение в этом сражении. Однако его воины не приняли его призыв и заставили Али ответить на призыв Му'авии положительно, хотя вообще они не имели такого права.

Если оставить в стороне проблему соответствия руководства тексту [Корана], нужно отметить, что совет, который состоял из мекканских переселенцев и мединских сторонников Пророка, выбрал Али в правителем. Способ правления времен правления Абу Бакра, Омара и Османа давал переселенцам и сторонникам Пророка такую привилегию, что Шам и другие провинции должны принимать это их решение. Му'авийа отказался признать присягу на верноподданство и к тому же пошел против Али войной. Согласно установлению Корана, эти воины должны были подняться против Му'авии, с тем чтобы подчинить его. Но нет, мусульмане колебались в назначении правителя и ждали, что Коран устранил их колебания; они также не имели права уполномочивать сына Аса и Абу Мусу Ашари решать, компетентен ли в правлении избранный ими правитель. Однако истина заключается в том, что группа воинов Али внешне поддержала его, но в действительности была солидарна с Муавией, а вторая группа, которая составляла большинство в окружении Али, не понимала логику происходящих событий или не искала логического исхода вещей. Эти люди были жертвами своих мгновенных и преходящих чувств, заговора, провокации, эгоизма и своевластия и не знали, что они принимают, для чего они поднялись, почему они так раскаиваются и вновь поступают также, что хотят и зачем. Возможно, во всем мире мы не найдем людей достаточно подготовленных для принятия таких изменений и быстрого принятия всякого решения; подобного рода люди, как услышат какое-то сообщение, не задумываясь о его сути, передают это сообщение другому человеку, о тот человек - другому, и, таким образом, не проходит много времени и вслед за этим сообщением возникает какой-то бунт, и одна группа, нападая на другую, становится причиной трагического события; и как только возникает этот бунт, сами зачинщики быстро раскаиваются и задают вопрос: почему это случилось? Но хуже всего, что они не извлекают для себя никаких уроков из этого и в самое короткое время совершают такое же или похожее на этот инцидент дело. В истории жизни подобных людей в течение этого полувека мы наблюдаем множество таких инцидентов. После того как эти люди заставили Али принять требования Му'авии и когда их арбитр Абу Муса ал-Ашари и арбитр Шама Амр ибн Ас отстранили Али от правления Халифатом и приняли Муавию в качестве правителя, они поняли, что глубоко заблуждались, опять поднялись против [своих оппонентов], однако все уже свершилось, и они не могли опять собрать

новые силы, чтобы направить их на подавление Му'авии. Таким образом Му'авийа по некому уполномочию, посылки которого не были правильными, взял в свои руки бразды правления [Халифатом]. Его правление не имело своего аналога ни у кого из других правителей; ни переселенцы, ни сподвижники [Пророка], ни жители Египта и других провинций, подчиняющихся исламскому правительству, не были согласны с тем, что он правит халифатом.

Му'авийа и его отец принадлежали к категории тех людей, чьих действий в отношении мусульман Али всегда опасался. В тот день, когда Му'авийа получил от Омара в правление Шам, мать сказала ему: «Этот человек - Омар - дал тебе работу, и ты постарайся делать то, что он хочет, а не то, что ты хочешь». А когда пришел к Абу Суфйану, тот сказал ему: «Переселенцы (Омара) приняли ислам до нас, и мы после них приняли эту религию, и мы пришли позже, и они получают свое вознаграждение; они являются начальниками, а мы подчиненными, и раз они дали тебе такую высокую должность, то ты будь бдительным, чтобы не совершить что-либо противоречащее [их мнению], ибо ты не знаешь последствий этого. Му'авийа был удивлен высказываниями отца и матери, которые были сказаны в разной форме, но в одном смысле.¹

Когда Омар отправился в Шам, он и Абд-ур-Рахман ибн Авф ехали на ослах. Му'авийа, в сопровождении пышного кортежа выехав навстречу, проехал мимо них, не заметив Омара. Но когда ему сказали, что наездник на осле был халиф, он тут же вернулся и, спешившись, пошел навстречу халифу, однако тот на него не обратил внимания. Му'авийа продолжал идти пешком вместе со свитой Омара. Абд-ур-Рахман сказал Омару: «Ты утомил Муавийу». Но в это время Омар повернулся к Муавие и сказал: «Му'авийа, ты всегда передвигаешься в сопровождении такой свиты! Я слышал, что люди ожидают твоего разрешения, чтобы зайти в твой дом?» Му'авийа сказал: «Да, эмир правоверных». Тогда Омар спросил: «Почему?» Му'авийа сказал: «Мы находимся в той земле, в которой живут шпионы наших врагов. Мы должны поступать так, чтобы они боялись нас. Но если ты скажешь, то я оставлю такую форму отношения [с людьми]». Омар в ответ сказал: «Если твое слово правдиво, то ответ твой мудрый, а если ты обманываешь, то это есть мудрый обман».

Только лишь из содержания этого короткого разговора можно определить духовное состояние этого человека и его точку зрения относительно правительства и методов правления. То, к чему стремился Му'авийа, - это полновластное и единоличное царствование, но не коллективное правление мусульман.

¹ *Икд-ул-фарид. - Т.5. - С.107.*

² *Там же С.108.*

С убийством Али в сороковом году хиджры исчезла последняя надежда возвращения бывшего способа правления в его старой форме. Мир, заключенный Хусейном, сыном Али, с Муавией, стал причиной того, что сыновья Умайя достигли своей давней мечты. Му'авийа в течение первых

десяти лет своего правления готовился к тому, чтобы упразднить избрание правителя общиной и впервые не брать во внимание мнение мусульман при назначении правителя, то есть не прошло и двадцати лет со дня последнего выбора халифа на основе всеобщего мнения [мусульман], как появилась другая ересь в исламе; другими словами, возникла ересь, которая сразу заменила систему исламского правления. Правитель мусульман в результате был назначен таким образом, когда не было учтено ни божественное установление, ни [право] людей. [Таким образом] не прошло и сорока лет после смерти Пророка, как был возобновлен прежний обычай времен «невежества», то есть в племенной системе [правления] был такой обычай: когда умирал шейх племени, то его место занимал его старший сын, и Му'авийа замыслил возобновить этот старый обычай времен «невежества». Ибн Абдар пишет, что такой подход в правлении мусульман берет свое начало с пятьдесят третьего года хиджры, но легенда, которую приводит Ибн ал-Асир, более близка к действительности. Он пишет: «Когда Мугира ибн Шуба узнал, что Му'авийа намеревается снять его с поста правителя Куфы и поставить на его место Сайда ибн Аса, то он отправился в Шам к Йазиду и сказал ему: «Знатные люди из сторонников Пророка и главы Курайша умерли, и их сыновья заняли их места; и Му'авийа также умрет когда-нибудь, почему ты не займешь его место? Чем ты ниже сыновей других? Ведь ты же выше всех! Почему твой отец не требует у людей присяги на верноподданство тебе?» Хотя Йазид и имел в уме такую мысль, однако ее осуществление не считал возможным. Но все же он сказал: «Правильно ли об этом думать?» Мугира ибн Шуба сказал: «Да, это правильно». Йазид направился к Муавие и пересказал ему все, что произошло между ним и Мугирой. Му'авийа востребовал Мугиру к себе и сказал: «Кто может осуществить исполнение такого дела?» Мугира ответил: «Присягу на верноподданство Куфы я беру на себя, а Басры - возьмет Зийад, ибо если эти два города дадут присягу на верноподданство, то другие города не будут возражать». После этого Му'авийа сказал Мугире: «Возвращайся к месту своей службы!» Мугира после возвращения в Куфу призвал к себе группу людей, импонирующих Бани Умаййа, дал им большие деньги и во главе со своим сыном послал их к Муавие, с тем чтобы попросить у Му'авии назначения Йазидом наследником престола. Но когда они пришли в Шам, Му'авийа сказал им: «В этом деле торопиться не следует», - и спросил у сына Мугиры: «За какую сумму купил твой отец повиновение этих людей?» Тот сказал: «Каждому по три тысячи дирхемов!» Муавия сказал: «Дешево купил!»

Кроме вышеупомянутого сговора Му'авийа для осуществления этого дела готовил почву в течение семи лет. За это время он имел отдельные разговоры с главами сторонников Пророка, с тем чтобы выяснить, насколько они согласны с его мнением и кто будет противостоять ему. Поэтому Му'авийа спросил у Абдклла ибн Зубейра: «Относительно правления Йазидом что скажешь?» Тот сказал: «Я скажу прямо, а не тайно! Чтобы после не раскаиваться, прежде подумай и взвесь, а затем делай шаг вперед! Ибо

прежде чем сделать шаг вперед, необходимо хорошенько подумать, и чтобы после не раскаиваться, прежде надо хорошо поразмыслить». Му'авийа, смеясь, сказал: «Хитрая лиса. На старости лет научился говорить рифмованной прозой. Нет необходимости в этой длинной рифмованной прозе».¹ Но когда спросил мнение Ахнафа ибн Кайса, то он предпочел промолчать. Му'авийа спросил: «Почему молчишь?» Тот сказал: «Чтобы сказать правду - побаиваюсь вас, а чтобы ответить неправду - боюсь Бога». Му'авийа в пятьдесят пятом году хиджры написал письмо правителям всех больших городов, с тем чтобы послали своих представителей в Дамаск для совета по поводу престолонаследия Йазиди. Слова, высказанные этими представителями, показывают, насколько мусульманское общество в те годы отошло от основ мусульманской религии, или же по крайней мере показывает, каким образом эти представители предают свою религию для дальнейшего процветания мирской жизни отдельных людей. Только в одном ответе чувствовался «запах разногласия» — в ответе Мухаммада ибн Амра ибн Хазма, представителя города Медины, который сказал: «Йазид является человеком богатым по состоянию, но средним по достоинству, и Бог привлекает к ответственности всякого правителя относительно отношения к людям, и бойся Бога и подумай, какого человека ты назначаешь правителем мусульманской общины». Му'авийа ответил ему: «Какой ты дидактик! Ты поступил согласно своей должности». Но Му'авийа закончил свою речь так: «Кроме моего сына и их сыновей (то есть Бани Хашима) не осталось никого, я люблю своего сына больше их сыновей. Уходи вон и оставь меня! »

Самым первым, кто явно раскрыл то, что затаил

¹ *Икду-ул-фарид*. - Т.5. С. 110-11. Му'авийа, был старший полицейского надзора Шама Заххак ибн Кайс, который восхвалял Йазиди за терпеливость, знания и добрые деяния и сказал: «Он лучше всех обеспечит нашу безопасность».

После этого разъяснения другие также поняли свою задачу и начали восхвалять его за те качества, которыми Йазид не обладал, и замалчивать те, что в нем преобладали [из низких качеств]. «Рынок состязания» в сокрытии истины и продаже религии достиг своего конечного «горячего» предела.

Йазид ибн Муканна встал со своего места и, указывая на Муавийу, сказал: «Вот он есть [сейчас] эмир правоверных! А если он умрет, есть он! - и указал на Йазиди. - И кто не примет это, то это есть [эмир правоверных]», - указывая на свой меч. Но Му'авийа, обращаясь к нему, сказал: «Садись! Ибо ты есть глава ораторов (проповедников)».¹

Когда Марван по приказу Му'авийи хотел взять у жителей Медины присягу на верноподданство Йазиду, он сказал: «Му'авийа в этом деле следовал методу Абу Бакра». Единственным высказыванием против этой «великой лжи», было возражение Абд-ур-Рахмана, сына Абу Бакра, прозвучавшее из одного уголка мечети: «Говоришь ложь. Абу Бакр оставил своих детей и родственников и выбрал человека из Бани Ади правителем мусульман». Марван испугался слов Абд-ур-Рахмана, которые могли повлиять на настроение людей, ибо он был сыном первого халифа и его слова могли подействовать на людей. Однако он не мог отрицать его слова. Только в

ответ прочитал стих Корана: «Люди, это человек, о котором говорится в Коране: Но говорит иной родителям своим: "Да пфу на вас! Неужто обещаете вы мне,

' Икд -ул-Фарид. - С. 112.

Что (из могилы) буду я изведен?

Ведь канули (в века) те поколения,

Что были до меня" (Коран. 46:17).

Нет ничего удивительного в том, что Марван высказал такую ложь в этом обществе, ибо в тот день уже минуло более сорока лет со дня кончины Абу Бакра: люди, к которым обращался Марван, во время кончины Абу Бакра либо еще не родились или же были малолетними детьми, которые об этом ничего не помнили. Очевидно, абсолютное большинство этих людей не знало, что наследование в правлении мусульман не имело никакой привилегии. Они также не знали, что при выборе халифа веление Бога и мнение людей также должно было соблюдаться. Таким образом, явствует, что абсолютное большинство в шестьдесят первом году хиджры составляли люди, которые родились при правлении Османа, в конце правления Али стали совершеннолетними и при правлении Му'авии входили в общество. Они очень мало знали о методе правления Му'авии и то, чему они сами стали свидетелями, так это вступление во власть Йазид. Возможно, для этого общества было естественным то, что всякое разногласие с Йазидом для них считалось угрозой мусульманскому обществу.

Что нам известно из жизни Йазид, это то, что он получил хорошего воспитания. Когда Му'авийа слышал от его матери: «Мне больше по душе надеть бедуинский плащ и жить в палатке, чем оставаться во дворцах и надевать шелковы одежды», то отослал ее с сыном к ее племени. Йазид был воспитан там, не приобрел ни образования, ни какого-то совершенства; и поскольку он рос в бедуинской среде, был красноречив и слагал хорошие стихи. Их стихов, приписываемых ему, мы не знаем, какие из них принадлежат ему; скорее всего, часть этих стихов не принадлежит ему, относительно трех-четырех бейтов¹, которые сочинил он, можно сказать, что они выразительны. Некоторые проповеди написанные им и произнесенные им в мечети Дамаска после оставления правления, короткие, но сильные и литературные. Единственное мастерство, которому он научился, это сочинение стихов. Поскольку он жил в бедуинской среде, как уже писали об этом, он также был хорошим наездником и умело обращался с мечом, но чего он не знал, так это мусульманской религии и мусульманского права. Из его разговора с Али ибн Хусейном - если это действительно было - следует, что он знал наизусть и некоторые стихи Корана. Но самого главного в нем не было - в нем отсутствовало благочестие. Обеспечение хорошей и спокойной жизни, занятие охотой, езда на лошади и игра с собаками сделали из него человека, любящего повеселиться, гуляку и беспечного. К сожалению, эгоизм и своеобразие Му'авии в течение двадцати лет его правления, вокруг него собрали людей, которые были далеки от религии и религиозного убеждения. Дело дошло до такой степени, что во второй десяток лет его

жизни его окружение либо в силу родового благородства, либо по причине сохранения своего положения больше не давало ему никаких советов и не давали возможность кому-то сказать ему правду. Как только Йазид вернулся из Хувварина² в Дамаск, он оказался среди таких подхалимов, безвольных, безнравственных (нерелигиозных) и, что хуже всего, невежественных людей.

Бейт - единица стиха, состоящая из двух строк; самая малая жанровая форма лирического стихотворения. (Прим. перев.)

² Название крепости в Хомсе в Шаме.

XI

Нечестие возросло на суше и на море, За то, что предварили им деяния их рук.

Коран. 30:41.

Не прошло нескольких лет правления Османа, как правительства в провинциях стали независимыми. Марван ибн Хакам был человеком, который держал в руках волю халифа. То, что он делал, халиф либо не знал, либо, если знал, не мог ничего сделать. Поэтому то, чего хотел Марван, это всегда осуществлялось. Я здесь не буду подробно останавливаться на восстаниях времен правления Османа, ибо наш разговор затянется надолго, но один момент упомянуть необходимо, а именно: в конце правления Османа социальное и экономическое положение мусульман, которое в конце правления Омара начало ухудшаться и которое Омар пытался каким-то образом реанимировать, стало еще хуже.

В последние часы совета, когда Абд-ур-Рахман ибн Авф имел разговор с Османом, первый взял с Османа обет, что если он станет халифом, то будет действовать согласно Божьей Книге и образу действия Пророка и соответственно действиям Абу Бакра и Омара, и Осман принял такое условие Абд-ур-Рахмана ибн Авфа. Однако если бы осман был моложе на двадцать лет, или его родственники не стали бы распоряжающимися в [государственных] делах, или же если мог бы противостоять желаниям своих родственников, то он еще мог бы действовать на основе этого договора.

Однако так не получилось, и в результате - не прошло нескольких лет, как общество столкнулось с экономической нестабильностью, и было понятно, что реанимировать прежние законы невозможно. Для людей, которые привыкли к дармоедству, сибаритству, попиранию прав людей и обрели богатство, на которое не имели права, больше не могли вернуться к старым законам. Эта неразбериха в экономике в начале правления Османа не ощущалась так явно, но она постепенно стала явной но не в центре Халифата, ибо она каким-то образом Медину не затрагивала, - и лавина восстаний охватила сначала западные районы, а затем границы восточных провинций, она докатилась до Хиджаза, и в конечном счете достигла центра Халифата и поглотила главу мусульман, самого халифа.

После того как восставшие завершили дело убийством халифа, поняли, что для управления обширной территорией мусульман требуется правитель. Из глав сторонников Пророка, кого приняло бы абсолютное большинство мусульман, не осталось никого, кроме Али. Восставшие и жители города Медины подчинились ему и принесли присягу верноподданства. Однако, как

мы уже писали, точно не известно, присягнули ли они в день окончания восстания или через несколько дней после этого. Мы можем сказать, что не было года более неподходящего для выбора Али халифом, чем тридцать пятый год хиджры, когда с эпохи пророка прошло четверть века. За это время многие обычаи [Пророка] были изменены; открытость религии была заменена политикой сговора, и Али не одобрял такую политику. Те, которые занимались политикой, хорошо знали это, и они не хотели осуществления настоящей справедливости. Али знал лучше кого бы то ни было эти проблемы, поэтому обычно он говорил: «Лучше я был бы вашим советником, чем вашим эмиром». Те люди, которые собрали огромное богатство и достигли высокого положения, которого не были достойны, желали собрать еще больше богатства и

достичь еще более высокого положения, чего не принимал и не желал Али. Али намеревался вернуть социальную систему времен Пророка, однако осуществление такой мечты казалось невозможным, ибо в течение этих двадцати пяти лет в мусульманском обществе произошли коренные изменения, и Али поэтому не хотел быть халифом, однако мусульмане, настаивая на его кандидатуре, ультиматумом заставили принять их предложение. В такой ситуации Али не был из числа тех людей, которые свое спокойствие предпочитают желанию мусульман. Али принял правление Халифатом, но с первых дней правления было известно, что взаимопонимание нового халифа со знатными людьми невозможно. Те смотрели на правительственное управление политическим взором, а Али - взором религии. Среди тех, которые после убийства Османа принесли Али присягу верноподданства, была группа, которая в душе не хотела, чтобы Халифатом правил Али. Однако, опасаясь восставших, или же по другим соображениям присоединились к нему. Была другая группа людей, которые предполагали, что Али не будет изменять способ действий Османа в течение двенадцати лет, ожидали, что при государстве нового халифа они будут иметь те же привилегии, которые имели во время правления Османа. Когда они увидели благочестивость и строгость нового халифа в вопросах веры даже по отношению к своим близким, и когда начались боевые действия в Басре и Сиффине и образовалась трещина между мусульманами, то особо проникательные поняли, что будущее принадлежит Муавие. Поэтому начиная с первых дней его правления они начали тайно переписываться с Муавией и получали от него подарки. Му'авийа показывал эти письма жителям Шама и говорил, что, мол, жители Ирака желают моего приезда Туда, с тем чтобы утрясти их дела.

После убийства Али Му'авийа в своем письме по поводу заключения мира, которое написал Хасану, сыну Али, обязался поступать с людьми справедливо. Данное им в этом письме обязательство поступать справедливо относилось в первую очередь к жителям Ирака, ибо Египтом и Шамом в основном руководили его чиновники. Но как только Хасан ушел в Хиджаз, Му'авийа начал проявлять строгость в отношении жителей Ирака. Дело дошло до того, что больше не осталось никакого доверия ни к его словам, ни

к его письменным гарантиям. Группа предводителей шиитов, которым Али дал письма гарантии безопасности, были жестоко убиты им. Когда иракцы узнали, что в очередной раз они обмануты Шамом, то были сильно огорчены, и поэтому послали своих представителей в Медину к Хасану для переговоров по поводу начала войны с Муавией. Однако Хасан хорошо знал, что жители Ирака не имеют ту честность, которая обычно необходима для осуществления таких дел, поэтому сказал им, что пока не время для такого восстания.

Хасан ибн Али в пятидесятом году хиджры был умерщвлен при помощи яда, добавленного в его [еду]. Начиная с этого года и далее Омейяды, или в более широком понятии мудариты, в больших городах исламского мира берут начало всех дел в свои руки. В течение последних десяти лет правления Му'авии его строгость в отношении жителей Ирака возросла.

Свидетельством подобного отношения является то, что когда жители этого региона приходили к нему, он не стеснялся подвергать их порицанию и насмешкам. Тот, кто с большим вниманием и без симпатий и антипатий проследит общественную историю этих десяти лет, может подумать, что в одних случаях он читает главу из истории племенных правительств до ислама, а в других случаях - главы из истории Восточно-Византийской империи. То, что меньше всего встречается в этих историях - это признаки исламского правительства. Поэтому исследователь приходит к следующей мысли: каким образом в таком обществе оставались такие люди, которых «цвет среды» не окрасил своим цветом; то есть люди, которые познали бы ислам в истинном его смысле и желают и исламское правление восстановить в его настоящем смысле. Поэтому есть необходимость исследовать состояние больших исламских городов и их жителей в конце правления Му'авии и в начале правления Йазида.

XII

Когда они подвергаются испытанию [выясняется], что число тех, которые придерживаются религии, незначительно.

Хусейн ибн Али.

Другая и, возможно, последняя тема, на которой необходимо остановиться и которая была указана во введении этой книге - это вопрос о том, почему все большие исламские города, кроме Куфы и в какой-то мере Басры, хранили молчание относительно этого события, хотя в этих городах жили несколько человек из друзей пророка. Почему они не встали и не призвали людей на помощь Хусейну? Или если они не были согласны с его восстанием, то почему не потребовали от правителей городов предпринять какие-то [меры], дабы предотвратить это страшное убийство. Для выяснения загадки этого молчания следует исследовать социальное положение каждого из этих городов и выяснить их позицию в отношении режима в Дамаске и восстания Хусейна. Необходимо также выяснить степень сочувствия жителей этих городов в отношении этого восстания или меру антипатии к этому делу. В этой главе кратко проанализируем положение этих городов.

Дамаск. Жители этой провинции со дня принятия мусульманства видели в качестве правителя этой провинции Халида ибн Валида, Му'авию ибн Абу Суфйана и Заххака ибн Кайса. В лице этих людей жители этой провинции видели образец религиозного мусульманина, и положения Корана раскрывались в действии этих правителей и их последователей. Му'авийа относительно жителей Шама своему сыну говорит: «Держи жителей Шама перед собой! Если опасаясь врага, то отправь их на войну против врага, но как только они выполнят свою задачу, то не оставляй их за пределами Шама. Верни их к своим домам, дабы не переняли обычаи чужаков». Из этого короткого разговора, который отражает духовный настрой людей этой земли и свидетельствует о дальновидности Му'авии, мы можем определить степень упорства этих людей в защите Омейядов.

Обратите внимание на эту легенду, которая больше похожа на анекдот, нежели на историческую реальность. Если основа легенды и выдумана, то, конечно, неосведомленность жителей Шама в отношении исламского режима, положений религии и родственников Пророка выглядит правдиво. Абдулла ибн Али отправил группу шейхов к Саффаху, выдав их за знатоков и мудрецов этой земли, которые готовы были все клятвенно заверять, что мы, мол, не знали, что посланник Аллаха имел других родственников, кроме Бани Умаййа, которые могли бы ему наследовать до того, как вы стали эмиром.²

Му'авийа правил с восемнадцатого года, когда Абу Бакр передал ему правление Дамаском, до шестидесятого года хиджры - сорок два года. Если взглянуть на перечень имен людей, которые перелились из Медины в Дамаск, то можем убедиться в том, что все они были курайшитами и мударитами. Эти люди, привыкшие к аристократическому образу жизни, когда встретились с пережитками роскоши, обмана и лицемерия Византии, то были устрашены или очарованы.

Ответ Му'авии Омару относительно его склонности к роскошной жизни свидетельствует о том, что он в самом

¹ *Икд- ул-фарид. - Т.5. - С.115.*

² *Ал-Хафават ан-надира. - С371.* начале своей деятельности отклонился от должного поведения халифа и сторонников Пророка и был увлечен императорским методом правления византийцев. Нет сомнения в том, что когда правитель и эмир какого-то региона избирают для себя подобный метод правления, то, естественно, его подчиненные будут подражать ему.

Начиная с тридцать пятого года хиджры, когда Осман был убит в Дамаске и Али стал вместо него халифом, Му'авийа постепенно убедил жителей Шама в том, что Али является соучастником убийства мусульманского халифа, т.е. Османа. Когда Му'авийа вместе с другими мусульманами встал на путь мщения за Османа и нарушение божественного установления и потребовал от Али убийц Османа, с тем чтобы отомстить за него, но Али отказался выдать, то их вражда приобрела религиозную окраску.

Когда мы сопоставим позицию Шама с позицией Хиджаза и Ирака, с их беспрекословной поддержкой Му'авии и его сына Йазид, то вновь

представляется правильным следующее высказывание Ибн Кава: «Жители Шама в отношении своего имама по сравнению с жителями других регионов более подчиняющиеся, и из-за этого фанатичного повиновения Али страдал и говорил своим людям: «Я готов отдать десять человек из вас и взамен получить одного из сторонников Му'авии».¹

Мекка. Этот город, как во времена джахилии, так и во времена ислама имел отличное месторасположение, ибо был киблой² мусульман, местом паломничества верующих и запретным безопасным божественным местом. Здесь же

¹ *Нахдж ал-балага. 4.2. - С. 10.*

Кибла - «то, что находится напротив»; направление на Мекку, а точнее - на Каабу, которое следует соблюдать во время совершения мусульманской молитвы.

жили родственники Пророка. Однако этот город в событиях шестьдесят первого года, устранившись, занял положение стороннего наблюдателя. Из знатных и известных людей города никто не отправился вместе с Хусейном в Ирак и серьезно не просил его остаться; а если бы такая просьба и была, то он не исполнил бы ее, как, например, это было с сыном Зубейра, который из притворства просил об этом Али. Эта самоустраненность имела свои причины. Одной из них является то, что сын Зубейра давно сделал этот город своим плацдармом и жители Мекки и Хиджаза были увлечены им. Другая причина заключалась в том, что Му'авийа в конце своей жизни, особенно когда решил сделать Йазиду своим преемником, проявлял большую любезность в отношении сыновей сподвижников Пророка, переселенцев и сторонников Пророка. Хотя после смерти Му'авии жители этого города не симпатизировали Йазиду и правительству Дамаска, однако занимали выжидательную позицию, дабы узнать, чем все это кончится. Ибо как показывают исторические события, когда Хусейн из Мекки отправился в Ирак, кроме двух-трех человек, которые, желая ему добра, просили его не ехать в Ирак, и кроме представителей наместника Мекки, которые были обеспокоены его поездкой в Ирак, больше никто не высказывал своего согласия или несогласия по этому поводу. Хотя в этом городе, как и в городах Ирака, должны были бы состояться манифестации и собрания, в которых жители потребовали бы от него остаться в Мекке и объявить себя халифом, или же отправиться вместе с ним в Ирак и находиться рядом с ним. Из этого бейта, сочиненного сыном Аббаса, когда он узнал об окончательном решении Хусейна двигаться в направлении Ирака, явствует, что Абдулла и его сторонники не очень-то и стремились, чтобы Хусейн остался в Мекке:

Когда поле действия для тебя свободно и нет там противника,

Со спокойной душой делай то, что пожелаешь.

Медина. Ибн Кува так охарактеризовал Муавие жителей этого города: «Они являются наиболее сильно желающими зла и наиболее бессильным и в его устранении».¹ Хотя такое суждение не лишено зависти и зла, более того, оно вытекает из слабости [внутренней] веры, однако в городе Медине за полвека произошли большие изменения. Медина была городом, который всем сердцем принял призыв Пророка. Этот город в течение тридцати пяти лет

был местом окончательного решения вопросов, связанных с мусульманством. Кроме того, в этом городе жили многие знатные люди в исламе и здесь же они погребены. Сторонники Пророка, которые происходили от арабов-йеменцев, призвали пророка из Мекки в Медину; они также оказали Пророку помощь, чтобы одержать победу на Курайшем и взять Мекку. Курайшиты, как мы читали, были людьми торгового склада и богатыми и, поскольку считали свое племя и всех мударитов выше других арабов, смотрели на сторонников Пророка в Медине презрительно. Во время собрания в Сакифе, когда Бани Сайда, будучи главой сторонников Пророка в Медине, хотел приравнять своих людей к людям Курайша и сказал: «От нас - эмир, и от вас - эмир», то Абу Бакр не принял эти слова и сказал, что главенство принадлежит курайшитам. Во время правления Омара и Османа курайшиты и мудариты постепенно прибрали к своим рукам руководство городом, образуя класс знатных людей, и когда постепенно

Та'рих тамаддун ал-ислами. - Т.А. - С.46; Табари. - Т.6. - С.2926.

богатство этих людей увеличилось, они стали привыкать к спокойной и роскошной жизни. Когда Талха и Зубейр отделились от «имама времени» и отправились из Хиджаза в Ирак и Али вслед за ними прибыл туда же, то Абдулла ибн Садам преградил ему дорогу и сказал: «Не выходи из Медины, и если ты выйдешь из этого города, то никогда больше туда не вернешься». И когда Али прибыл в Рабзе, с тем чтобы оттуда отправиться в Басру, то он имел под своим началом триста сопровождающих, но это были в основном люди, которые жили не в Медине и прибыли сюда, когда убили Османа. Перенос центра Халифата из Хиджаза в Ирак, хотя с политической точки зрения считался для Медины поражением, однако, с другой стороны тех, кто искал в этом городе спокойной жизни и освобождения от суеты и беспокойства, это вполне устраивало, ибо это давало им больше возможности заниматься сельским хозяйством и торговлей. Когда Хусейн отправился из Медины в Мекку, жители Медины особо не препятствовали, а это свидетельствовало, что ее жители в это время спокойную жизнь предпочитали походам и перенесению каких-то страданий. Отсюда естественно, что родня Хусейна и группа шиитов, которые жили в Медине, стали беспокоиться о его жизни, однако когда караван отправился из Медины в Мекку, то вместе с имамом оказались только его родственники.

Басра. Этот город был построен в шестнадцатом или семнадцатом году хиджры для проживания воинов. Но этот город, как и город Куфа, о котором скажем позже, СТАЛ постепенно большим городом. Поскольку город находился на побережье реки и близко к морю, то имел месторасположение благоприятное для ведения торговли.

Табора. - Т.в. - С. 3107.

Большинство жителей этого города составляли те, кто не отправился для постоянного проживания в Куфу. Племена, которые выбрали Басру местом постоянного проживания, в основном относились к мударитам, хотя Омар во время своего правления попытался передать руководство городом в руки йеменцев. Поэтому назначил Абу Мусу ал-Ашари правителем города Басры.

Этим шагом Омар намеревался хотя бы немного уменьшить племенной фанатизм. Басра была разделена на пять частей, и каждая часть принадлежала определенному племени, таким как: Азд, Тамим, Бакр, Абдулкайс и Алия.¹ Из перечня племен явствует, что большинство из них относится к аднанитам. И Осман несколько лет оставлял Абу Мусу ал-Ашари в его должности, а затем отстранил и поставил на его место Абдаллу ибн Амира. После того как сын Амира стал правителем этого города, позиция Омейядов в Басре укрепилась. Но Али, после того как стал халифом, отстранил от этой должности сына Амира и назначил на его место Османа ибн Ханафа. Тогда Абдалла, взяв богатства, сколько мог увезти, отправился к Муавие. Когда Талха и Зубейр отделились от Али и присоединились к Айше, они выбрали город Басру местом своей активной деятельности. После прибытия раскольников в Басре завязался серьезный спор между ими и жителями города. И когда разногласия постепенно увеличились, в конце концов пришли к такому решению, что отложат окончательное решение вопроса до приезда Али в город Басру. Однако однажды ночью незваные гости напали на правителя города и подвергли его избиению. После этого напали а государственную казну и убили сорок охранников и взяли в свои руки управление городом. После прибытия Али и

¹ *Ибн Лсир. - Т.5. - С.71; Та'рих тамадун ал-ислами. - Т.4. - С.64.*

безрезультатных переговоров между двумя сторонниками вспыхнула война, в результате которой Басра потерпела поражение и было убито большое число людей, то есть почти не было семьи, которая не потеряла бы кого-то из своих родных. Это была первая война, которая вспыхнула на мусульманской земле. Поражение Басры оказало глубокое влияние на духовный настрой жителей города, и после этой войны большинство жителей города стали сторонниками Османа, подобно тому как город Куфа поддерживал Али. После убийства Али, когда Муавья стал во главе правления, он пытался насколько возможно использовать к своей выгоде пламя этой вражды. Басрийские мудариты привлекли на свою сторону группу йеменцев Басры. Как мы говорили в предыдущих главах, когда Ирак поднялся против правительства Йазида после смерти Му'авии и призвал Хусейна ибн Али к себе, он откликнулся на письмо жителей Басры, которое написали два племени, принял их призыв, но и эти два племени также не смогли своевременно прийти ему на помощь.

Куфа. Этот город был построен в семнадцатом году хиджры Саадом ибн Аби Ваккасом для размещения своих воинов. Есть мнение, что этот город был построен в семнадцатом или восемнадцатом году хиджры. В любом случае целью возведения города вначале было размещение воинов. Но прошло немного времени, и группа сторонников пророка и другие люди направились в этот город. Чем больше одерживалось побед в восточных землях, тем все больше людей из покоренных земель прибывало в Куфу. Когда Али вслед за Талхой и Зубейром прибыл в Ирак и отправился в Куфу, повелитель города Абу Муса ал-Ашари, хотя и находился в подчинении у «имама времени», под предлогом избегания мятежа не мобилизовал людей. В конце концов его

отстранили, и когда Али вошел в город, жители города присоединились к нему, с тем чтобы победить воинов Басры.

После войны в Басре Али сделал город Куфу местом своего командования. После этого события Куфа приобрела между исламскими городами особый статус. В те годы, о которых мы ведем здесь речь, жителей этого города составляли различные люди, где каждая группа имела свои надежды, убеждения и мирские желания, противоположные надеждам, убеждениям, желаниям других групп. Арабы-йеменцы составляли ощутимое число жителей. О соперничестве, более того - вражде, йеменцев и мударитов мы говорили в предыдущих главах и здесь нет надобности это повторять. Из покоренных земель постепенно прибывали в Куфу те группы, которые владели какой-то профессией или каким-то знанием, чтобы достичь определенного положения, используя свою профессию или свой талант. После переселения этих людей, среди которых до победы ислама разные группы имели каждая свое религиозное убеждение, поддерживали различные философские течения, в этом городе была подготовлена подходящая почва для диалектических дебатов и рассуждений.

В некоторых преданиях, степень достоверности которых мне не известна, мы наблюдаем, что в тридцать пятом и сороковом годах рассуждения относительно вопроса предопределения были весьма распространены в Куфе. Однажды Али проходил мимо группы людей, которые были увлечены обсуждением данного вопроса до такой степени, что кричали друг на друга. Как нам известно, обсуждение вопроса предопределения является одной из первых тем спекулятивного характера или есть один из первых споров, возникших в исламе, предметом которого был вопрос, свободен ли человек в своих

поступках или же он находится под принуждением кого-то. Конечно, общеизвестно, как сильно распространение подобного рода рассуждений повлияло на возникновение разногласий между мусульманами. К тому же люди, приехавшие из долины Евфрата в этот город, с точки зрения настроения и нравственных качеств сильно отличались от людей, которые жили на земле Хиджаза. Проявлять крайнюю эмоциональность, мгновенно вспылить, не думать о последствиях сказанного, быстро принимать решение и быстро раскаиваться в принятом решении - неотъемлемые качества людей земли Хиджаза. История свидетельствует, что на этой земле то, что не воспринималось людьми и не доходило до их слуха - так это чувство восприятия реальности и доброжелательности, и что они воспринимали всей душой и передавали от одного другому - это высказывания, которые воздействуют на эмоции и чувства, и ценили того, кто передает такое высказывание с наибольшей эмоциональностью и темпераментом.

Слушатель не вникал, что стояло за этим и какое намерение преследовалось этими громкими и грубыми, со вздутием шейных вен, восклицаниями.

В конце правления Османа до того момента когда центр Халифата был переведен в Багдад и другое новое поколение возникло в общей политике ислама, жители Куфы не могли упокоиться. Когда ими управлял какой-

нибудь деспотический, но способный правитель, они молча укрывались в своих домах; и как только они чувствовали бессилие своего правителя, собираясь в группы, сговариваясь, в конце концов поднимали бунт и восстание. Уместно привести сказанное нашим поэтом относительно некоторых своих земляков, что характеризует нравственное состояние этих групп:

Бессильный и несчастный [есть] жестокий и злой.

Жестокий и злой [есть] бессильный и несчастный.

Когда Му'авийа спросил Ибн Куву, какие нравы и обычаи присущи жителям городов ислама, последний ответил: «Они договариваются относительно какого-то дела, а потом группами выходят из этого дела».

Начиная с тридцать шестого и до семьдесят пятого года хиджры правителем города Куфы был назначенный Абд-ур-Рахманом ибн Марваном

Хаджджадж, который своей жесткой и, более того, страшной политикой убивал веру в сердцах людей, и потому редко были годы, когда можно было видеть Куфу свободной от восстаний, стычек и раскола между людьми.

Исходя из этого непостоянства характера и изменения положения Му'авийа говорит Йазиду, что если иракцы будут каждый день требовать от него снять с поста какого-то правителя, то пусть он удовлетворит их требования, ибо легче снять с поста какого-то правителя, чем противостоять ста тысячам мечей.² Му'авийа словно предвидел, к чему придут эти люди, когда советовал Йазиду относительно Хусейна и говорил: «Я надеюсь, что те, которые убили его отца и подвергли унижению его брата, помешают ему вредить тебе».³

Мы можем сказать, что большинство жителей Куфы, которые оказали помощь Али в сражении в Басре, а затем стояли рядом с ним в Сиффине, делали это потому, что они хотели перенести центр Халифата из Хиджаза в Ирак, с тем чтобы, достигнув этой привилегии, продемонстрировать Шаму свою мощь и силу. Нужно отметить, что соперничество Шама и Ирака не было внове.

¹ *Тарих-и тамаддун-и ислами.* - 7.4. - С.64.

² *•Икд-ул-Фарид.- Т.5. - С.115.*

³ *Там же.* -С.115.

Разногласие между Ираком и Шамом кроме племенной вражды также имело экономическую и политическую основу. В силу своего географического месторасположения Ирак до ислама находился на пути торговых отношений побережья Индийского океана и являлся посредником в торговых сделках региона, а Шам контролировал торговлю Средиземноморья. Ирак подобно кольцу соединял эти два больших торговых пути. С другой стороны, правители Хиры были сателлитами Сасанидов, а Гассаниды в Шаме подчинялись византийцам.

Соперничество этих двух больших государств во многом повлияло на разжигание пламени вражды между народами этих двух регионов. Это соперничество осталось и после распространения ислама, особенно после того как Куфа превратилась в центр Халифата и Ирак приблизился к своей давнишней мечте. Однако нельзя упускать из виду один момент, а именно: насколько жители Шама были едины и непоколебимы в повиновении своему

правителю, настолько для жителей Ирака было характерно использование обструкции, неуместное вмешательство в дела правительства, принятие скороспелых решений и отказ от них, что обуславливало возникновение [многих] проблем. Люди, которые месяцами мужественно стояли рядом с Али и дошли до порога полной победы, вместо того чтобы повиноваться своему имаму, как только Амр ибн Ас, используя хитрость, поднял листы Корана над своими штыками и призвал иракцев к арбитражу в соответствии с Кораном, стали сильно давить на Али, требуя принять предложение воинов Шама. Хотя Али объяснил жителям Ирака, что сын Набиги и Абу Суфйяна использует Коран только для того, чтобы избежать битвы, однако эти слова не доходили до их слуха, и когда настойчивые требования иракцев привели к решению третейского суда и арбитр из Шама обманул иракского арбитра, то куфийцы восприняли это для себя большим позором и тут же стали просить Али начать новую войну с Муавией, но поскольку Али заключил договор о прекращении боевых действий в продолжение года, то он не хотел нарушить его. Такое поведение Али задевало честь большой группы этих людей, и в результате большая группа, называемая «хаваридж»¹, отделилась от людей Али, и он, наблюдая у жителей Куфы эти колебания настроений, сомнение и непонимание последствий своих поступков, говорил: «Жители Шама в своей лжи едины, но вы в своей правоте разногласны, и я готов поменять десятерых из вас на одного из сторонников Му'авии».

После того как Му'авийа заключил договор с Хасаном и когда последний отправился в Хиджаз, Му'авийа перестал опасаться встретиться с регулярной армией в Ираке и стал всячески преследовать иракцев. Он при помощи хитрости и уловок собрал у себя множество благочестивых и религиозных людей, якобы желая обеспечить их безопасность, а затем вопреки всем положениям мусульманской религии приказал убить их; Далее он в присутствии воинов из Шама подвергал знатных людей Ирака публичному унижению и оскорблению, и в результате пришло время, когда иракцы больше не могли терпеть этот гнет и унижение. Поэтому как только Му'авийа умер, Куфа поняла, что наступило подходящее время для осуществления нового шага в этом деле.

¹ *Хаваридж* - «выступающие», «мятежники», «раскольники»; последователи самой ранней в истории ислама религиозно-политической группировки, образовавшейся в ходе борьбы за власть в Халифате между Али и Муавией. (Прим. перев.)

Без всякого сомнения, в это время небольшая группа благочестивых мусульман, живших в этом городе, была сильно недовольна тем, что образ действия времен Пророка подвергся изменению, и в глубине души страдали от этого и желали, чтобы появился справедливый имам, который мог бы устранить многолетнюю ересь; и хотя большинство людей высказывали такое же желание, но это было лишь предлогом для того, чтобы отомстить за прошлые поражения, особенно в битве при Сиффине, и возобновить вражду между йеменцами и мударитами.

Кто знает, может, была группа людей, которые еще в детстве от матери слышали легенды о Лахмидах и Гассанидах, даже не вникая в суть вопроса, и

испытывали какое-то подсознательное влечение к прошлому. Возрождение этих воспоминаний словно раздуло укрытый пеплом времени огонь вражды между Ираком и Шамом, и Куфа была готова к восстанию.

В результате краткого исследования ситуации в этих трех провинциях ислама и пяти важных городах, которые сыграли важную роль в судьбе мусульман, мы приходим к выводу, что после смерти Му'авии единственным, кто желал свержения режима в Дамаске и для осуществления этого предпринял действенные шаги, была Куфа. Однако, как мы говорили, всех тех, которые написали Хусейну письма, призывая его в Ирак и обещая оказать ему помощь, не волновали вопросы религии, ибо под этими облеченными в религиозную оболочку призывами были скрыты политические цели. Ираку было необходимо показать Шаму свою мощь и силу и вернуть центр Халифата из Дамаска в Куфу.

Как нам известно, в тридцать пятом году хиджры в Медине собралось множество групп из Ирака и Египта, выражая протест халифу, и тем самым был заложен

первый камень мятежа в исламе. Но в шестидесятом году хиджры кроме Ирака нигде не наблюдалось никаких подобных действий, а почему? Да потому, что в течение четверти века это было второй раз, когда исламское общество испытывало стремительное падение.

В конце концов Куфа подняла восстание, но, как мы увидим, это не было восстание, ибо оно опиралось на эмоциональные порывы, пламенные назидательные речи, в которых никогда не обращалось внимание на уровень мощи противника, компетентность его служащих и, что хуже всего, степень готовности к сопротивлению самих восставших.

XIII

В повествовании о них Есть назидание для тех, Кто обладает разумением. Коран. 12:111.

Прежде чем обратиться к исследованию событий после смерти Му'авии, необходимо подытожить то, что было сказано в предыдущих главах; и из того, что было написано нами, можно вывести следующие умозаключения:

1. Можно сказать, большинство из поколения мусульман, которое в те дни жило на Аравийском полуострове, родились в конце правления Омара и, воспитанные в эпоху Османа, в начале правления Му'авии вошли в общество.

2. Уже пятидесятилетние из этого поколения не видели Пророка; и те, которые находились в возрасте шестидесяти лет, в год смерти Пророка были десятилетними отроками. Из числа же людей, которые видели Пророка, имели возможность слушать его беседы, были несколько человек, жившие в Куфе, Медине, Мекке и Дамаске. Люди, достигшие семидесятилетнего возраста или несколько старше этого при решении каких-то жизненных вопросов предпочитали думать о том, что надо готовиться к потустороннему миру, а затем уж думать о делах мирских.

3. Для большинства людей, особенно для молодежи, которая двигала колесо развития общества, то есть для тех, которые были в

возрасте между двадцатью пятью и тридцатью пятью годами, тем исламским режимом, который они имели перед глазами и в котором жили, было правительство, которым руководили Мугира ибн Шааба, Сайд ибн Ас, Валид, Амр ибн Сайд и другие дети знатных курайшитов, то есть люди развратные, жестокие, алчные, любящие роскошь и, что самое худшее, националисты. Это поколение в период познания самого себя и своей среды увидело таких безжалостных правителей, которые своих оппонентов либо убивали, либо заточали в тюрьму. Задержание протестующего, изгнание, заточение в темницу, убийство людей было самым обычным делом, которое существующий режим закреплял печатью.

4. Та группа мусульман, которая видела жестокость времен правления Омара и из страха привлечения к ответственности была вынуждена жить в притворстве, и после, в последующие годы, наживая какое-то имущество, стремилась к спокойной жизни, с тем чтобы когда придет время старости и немощи, пользоваться этим богатством. И поскольку они не хотели нарушить свое спокойствие, то при возникновении любого события - пусть даже оно явно противоречило религии для подтверждения его [правильности] готовили соответствующее толкование и определенный мотив, с тем чтобы быть свободными от упреков совести. Они говорили себе: «Надо быть вместе с мусульманским обществом, не надо сеять семена раздора, не надо идти против правителя, который взял на себя обязанность сохранять ядро ислама».

5. Знакомство жителей этих земель с образом мышления своих соседей и проникновение философских споров в кружки, которые собирались в мечетях, открывало возможность для этих людей уклоняться от своих религиозных обязанностей. Как, например, во второй период правления Омейядов в результате нахождения спекулятивных путей спасения группа под названием «марджая» дошла до такой степени, что находила оправдание даже для тех людей, которые совершили тяжкие преступления.

6. Чем больше мусульмане отдалялись от эпохи Пророка, тем больше забывали обычаи и образ действия мусульман, и постепенно между ними оживал образ действия времен джахилии, а именно: этническое честолюбие, превознесение своей родословной перед своим оппонентом, противоборство родов и племен из-за этнического фанатизма и враждебное отношение друг к другу.

7. То, что мы считаем духом исламского шариата - добродетельность и справедливость, - отсутствовали в обществе. Из общественных установлений религии существовали только пятничный сбор и община, и те - только в обрядовой форме. Иногда эта обрядовость стремилась к ереси, более того к нарушению религиозного закона. Валид, брат Османа от другой матери, который был наместником Османа в Куфе, утром в нетрезвом состоянии пришел в мечеть и совершил молитву в три ракаата, а потом, обращаясь к людям, сказал: «Если хотите, я добавлю еще несколько ракаатов».¹

Доктор Таха Хусейн в своей книге² пытался представить это событие как историю, не имеющую под собой основы, также как и те стихи, которые приписываются Хатие.

Когда Хатия встретится со своим Богом,

Будет свидетельствовать, что Валид достоин приведения довода,

Поскольку хотел принести людям какое-то добро!

Если б люди приняли бы, ты соединил бы парную и непарную [молитвы].

Рака'ат - коленопреклонение, часть мусульманского молитвенного обряда. (Прим. перев.)

² *Икд-ул-Фарид. - Т.5. С.55.*

Они сохранили бы твоё правление.

И если б они дали тебе свободу, то ты постоянно побеждал бы.

Он считает это стихами другого человека - по той причине, что если б Валид прибавлял к молитве что-то новое, то мусульмане в Куфе, будучи сподвижниками Пророка, чтецами Корана и праведниками, не последовали бы его примеру. Однако это доказательство выглядит очень слабым, так как, во-первых, праведники и чтецы Корана в Куфе с начала появления ереси сторонились этого дела, а во-вторых, за это Османом было установлено телесное наказание. В любом случае это событие происходило в конце правления Османа. Если мы прибавим к этому четверть века упадка, то будем знать, каково было состояние мусульманского общества по истечении пятидесяти лет существования.

8. Во время правления Пророка, Абу Бакра, Омара, Османа боевые действия происходили на территории неверных и на неарабских землях, и араб, кроме того, что воевал против неараба, также сражался и с неверными. Но, как мы об этом написали, мусульмане, сражаясь в битвах при Джамале, Сиффине и Нахраване, убивали друг друга, и в результате для тех людей, чья вера была слаба, «исламский джихад»¹ приобрел характер битв, описанных в «Аййам ал-араб»², и бытовавшая при джахилии кровная месть, которую пророк Мухаммад в своей прощальной проповеди запретил, вновь возродилась.

9. Из всех исламских земель только Шам целиком и полностью поддерживал династию Омейядов. Мекка и Медина восстанию Хусена не оказали заметного

¹ *Джихад - «усилие», борьба за веру. (Прим. перев.)*

² *«Аййам ал-араб» - книга о войнах, происходивших у арабов. (Прим. перев.)*

